

КИМ НИНА
ОКЕР

ИСТИНА
В ТВОЁМ
ПРИКОСНОВЕНИИ

ХРАНИТЕЛИ
ПЯТИ
СЕЗОНОВ

18+

Young Adult. Хранители пяти сезонов

Ким Нина Окер

Истина в твоём прикосновении

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44

Окер К.

Истина в твоём прикосновении / К. Окер — «Эксмо»,
2021 — (Young Adult. Хранители пяти сезонов)

ISBN 978-5-04-186822-2

Все вокруг Блум распадается на части. После нападения на Зимний двор семья девушки берет ее в плен, а возлюбленный совершает непростительное: предает ее. Теперь хранители готовы сделать все, чтобы предотвратить появление Ванитас — пятого сезона. Повстанцы нарушили равновесие, украли амулет времен года и Зимний кристалл, необходимый для смены сезонов. В результате зима окутала мир смертоносной пеленой, и никто точно не знает, на что она способна. Если мятежники победят — Ванитас возродится. Блум верит, что сезонным домам удастся заполучить Зимний кристалл и растопить ледники. Однако, когда девушка окажется на грани жизни и смерти, а мир будет на пороге хаоса, кто проведет ритуал перехода времен года?

УДК 821.112.2-312.9

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-186822-2

© Окер К., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Продолжение	6
Мой ход	12
Изгой	18
Давай поговорим	23
Старые друзья	28
Выходи меня искать	34
Разные жизни	41
Свобода	47
Похороны	52
Беги	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Ким Нина Окер

Истина в твоём прикосновении

Kim Nina Ocker

Die Hüter der fünf Jahreszeiten,

The Truth in your Touch

© 2021 Ravensburger Verlag GmbH, Ravensburg, Germany

© Косарим М., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Для Гезы, Кристины и Матильды
(Вы как Ангелы Чарли... только намного начитаннее)*

Продолжение

Кево

Наши взгляды встречаются, и все мое тело пронзает боль: она проникает сквозь кожу, добирается до костей и целится прямо в сердце. Заостренной стрелой рассекает плоть и нервы, и мне не хватает воздуха.

Ее лицо, ее прекрасное лицо перед моим взором пробуждает в душе столько чувств, что поначалу я совершенно не представляю, как вообще можно справиться с этой бурей. Чуть прищурившись, пытаюсь лучше разглядеть ее черты. Ее кожа перепачкана – вымазана сажей, на лбу и правой щеке видна кровь. Мои руки на автомате сжимаются в кулаки. Хочется выяснить, что с ней случилось, и в то же время знать этого я вовсе не хочу. Ярость и без того наполняет меня почти до краев. И одна-единственная несчастная мысль о том, что кто-то осмелился навредить Блум, может стать последней каплей. Мне уже хочется переломать все кости тому, кто отважился дышать в ее сторону или прикоснуться к ней хоть пальцем. И плевать я хотел, кто это и на чьей он стороне.

Блум бросает на меня убийственный взгляд. Задумайся я хоть на секунду, как эта девушка относится ко мне, ненависть в ее глазах дала бы многое понять. Снова пытаюсь проникнуть в ее мысли, выплеснуть слова, которые так отчаянно жаждут быть высказанными. Но Блум не допускает этого: закрывается от меня, словно захлопывает дверь перед носом незнамого гостя. Проклятие.

Рядом со мной раздается лающий смех Уилла. Мы стоим плечо к плечу, выступая против Зимнего Дома, готовые смести со своего пути каждого, лишь бы только добраться до нашей цели – Блум, Хранительницы Зимы. По крайней мере, это я внушаю Уиллу, Джозефу и его людям. Как минимум пытаюсь. В принципе, меня устраивала любая причина, которая привела бы меня на остров к Блум.

– Выглядит девчонка не очень, – презрительно усмехается Уилл. От одного звука его голоса меня тянет блевать.

Тем временем мои ногти врезаются в ладони – так сильно я сжимаю кулаки, только бы не разбить ими лицо Уилла. А в мыслях уже слышу, как его нос с хрустом ломается под моим ударом. И от мысли об этом на моем лице появляется улыбка.

– Она через многое прошла, – цежу сквозь стиснутые зубы, не отрывая взгляда от Блум. Едва заметив ее в толпе, я уже не мог никуда больше смотреть. Боюсь, если моргну, она просто исчезнет. Не могу так рисковать.

Уилл фыркает:

– Она обвела тебя вокруг пальца, Перик. Думаю, ты слишком серьезно отнесся к роли лучшего друга. А ведь ты ее даже ни разу не трахнул, а?

Я хочу его ударить. Нет, убить. Хочу его убить. Медленно и мучительно. Переломать все кости в его теле, одну за другой. И когда, несмотря на это, присоединяюсь к его грязному смешку, мне хочется сломать парочку костей самому себе. Я просто обязан играть в эту игру, иначе нож вонзится в мою спину быстрее, чем я успею моргнуть глазом. А это не поможет ни мне, ни Блум.

Чуть ли не силой отрываю взгляд от Блум и осматриваюсь. Парк Зимнего Двора выглядит так, словно кто-то провел через него невидимую линию, распределив всех нас по соответствующим сторонам. Хаос и беспорядочные схватки, вспыхнувшие при нашем появлении, постепенно стихают, хотя последствия нашего прибытия очевидны: одни истекают кровью, другие

держатся за руку или за ногу, кто-то сидит, прислонившись к стене, кто-то лежит на земле без сознания. Или просто мертв.

Тем временем враждующие стороны начинают выстраиваться за своими лидерами: члены Зимнего Дома собираются за своим Мастером, повстанцы – за Джозефом, отцом Блум. В воздухе, словно удушающий туман, повисает напряжение, и дышать мне становится трудно. Каждый человек на этом острове излучает магию, которая словно сгущается, собираясь вместе клубами густого дыма.

– Слушайте меня! – внезапно разносится по всему двору глубокий голос. Он заглушает крики людей, шелест ветра и даже рев в моей голове. Он заглушает все.

Отец Блум выступает вперед. Я снова смотрю на нее, и снова мне кажется, будто кто-то влил в мои вены целое ведро ледяной воды. На меня она больше не смотрит. Блум смотрит на своего отца, и в ее взгляде, по крайней мере, столько же ненависти и отвращения, сколько было в нем только что, когда она смотрела на меня.

Не сказать, чтобы это способствовало улучшению ситуации. Отец Блум – плохой, один из самых отвратительных людей, которых я когда-либо встречал в своей жизни. То, что для Блум мы с Джозефом, по-видимому, на одном уровне, меня совсем не устраивает. Не могу ее в этом винить и все же хотел бы, чтобы она доверяла мне достаточно для того, чтобы поговорить со мной об этом. Чтобы дать мне шанс все ей объяснить.

– Мы не хотим ненужных смертей! – оглушительно провозглашает Джозеф, призывно оглядываясь по сторонам. – Мы здесь не для того, чтобы устраивать резню!

Хочется фыркнуть, но я беру себя в руки. Нужно сохранять видимость. Я должен придерживаться их стороны, по крайней мере до тех пор, пока у меня нет своего плана. Плана, в котором не будет ни моей смерти, ни смерти Блум.

– Слишком поздно, – отвечает дед Блум, Мастер Зимы. Я знаю, он тоже не очень приятный человек. Он не на той стороне. И все же его голос звучит мягче и даже в некотором роде успокаивает, чего не скажешь о словах Джозефа. – Среди нас уже есть погибшие.

Блум при этих словах вздрагивает. Я чисто рефлекторно делаю шаг вперед. Кто погиб? Оглядываюсь по сторонам, понятия не имея, кого ищу. Я не имею ни малейшего представления о ее жизни и не знаком лично ни с ее друзьями, ни с семьей, поэтому при всем желании не смог бы заметить, кого именно больше нет.

Мне требуется вся сила воли, чтобы остаться стоять на месте и не броситься к ней. Кого бы Блум ни потеряла, я хочу быть с ней. Рядом с ней, за ее спиной. Быть где угодно, только не напротив, только не по другую сторону линии фронта. Это – неправильно.

– В этом мы в равной степени виноваты оба, – уже более тихим голосом отвечает Джозеф. Кричать больше не нужно. Звуки вокруг нас смолкли, словно весь мир затаил дыхание. – Если бы вы с самого начала отдали то, что нам причитается, никто бы не пострадал.

Даже на таком расстоянии я вижу, как Мастер Зимнего Двора приподнимает свои седые брови.

– То, что вам причитается? Если мне не изменяет память, ты, Джозеф, родился в Осеннем Доме. И, кажется, втягиваешь в войну совсем не ту армию.

Язвительный смех Джозефа эхом разносится по площади и, кажется, отскакивает от каменных стен Зимнего Двора.

– Неважно, откуда я родом, старик. Ничье происхождение не имеет значения. Речь идет о справедливости – ни больше ни меньше. Ты и тебе подобные виновны в том, что целый народ остался безродным – без крова, без семьи. Что их лишили власти, дарованной богами. Четыре дома вознесли себя выше воли богов, и за это вам придется заплатить. – Он разводит руки в стороны. – И если этим людям нужен голос, чтобы вернуть то, что вы отняли у них, я с радостью готов одолжить им свой.

Уилл рядом со мной с воплем вскидывает руку в воздух. Скверная штука. Опасная и нелепая. С тревожным чувством в животе я оглядываюсь по сторонам, наблюдая, как повстанцы копируют жест Уилла, и толпа превращается в одну сплошную ревущую массу. Давно понятно, что в этой войне уже не две стороны. Их как минимум три: консервативные члены сезонных домов, готовые сделать все, чтобы предотвратить появление Ванитас; «плохие» повстанцы, которых волнует только власть и которые готовы использовать эту власть любыми возможными способами и средствами. И «хорошие» повстанцы. Те, кто просто борется за свое законное место во временном цикле и за спасение этого проклятого мира от конца света, который мы уже вызвали. Те, кто надеется на мирное решение и готов идти на радикальные меры только в случае крайней необходимости.

Однако, оглядываясь вокруг, я не думаю, что люди, на стороне которых я выступаю, относятся к последнему типу. Кое-где я вижу растерянные лица, людей, которые озираются по сторонам с тем же недоумением, что и я, и не присоединяются к возгласам Уилла. Большинство, однако, в исступлении вопит, нетерпеливо подавшись вперед, будто хочет немедленно броситься в бой.

Я концентрирую свое внимание на том, что происходит прямо передо мной, и снова смотрю на Блум. Кожа девушки бледна, что делает кровь на ее лице только еще более заметной. Она ярко-красного оттенка, значит, свежая. И в самом деле – она как раз сейчас вытекает из раны у нее на голове, и я уже просто не в силах стоять на месте и ничего не делать.

– Вы ведете войну, выиграть которую не можете, – отвечает Калино, Мастер Зимы, когда крики повстанцев стихают. – Нас слишком много. И мы слишком сильны для вас.

Джозефа это, однако, никак не впечатляет, чего я, в общем-то, и не ожидал.

– Я готов рискнуть.

Мастер Зимы склоняет голову, словно ища в словах лидера повстанцев скрытый смысл.

– Чего вы хотите? – спрашивает он наконец с вызовом. – Если пришли не для того, чтобы убивать?

Джозеф криво усмехается и поднимает руку, указывая на представителей Зимнего Дома. В первый момент кажется, будто он показывает на главу семьи Калино, но на самом деле рука Джозефа нацелена на Блум, которая стоит рядом со своим дедушкой.

Я смотрю на нее. Когда она понимает, чего хочет Джозеф, ее бледное лицо становится еще белее, хотя я и не думал, что такое вообще возможно. Блум невольно отступает. Когда она спотыкается, я снова делаю рывок вперед. Все во мне: каждый нерв, мышца и волокно моего тела – хочет мчаться к ней, я хочу перекинуть ее через плечо и унести подальше отсюда. К черту восстание, к черту войну, к черту конец света. Главное, чтобы она была в безопасности.

– Ее, – мрачно изрекает Джозеф, кивая в сторону Блум. – Я хочу Хранительницу. Отдай ее нам, и даю тебе слово, с вами ничего не случится. Мы иницируем Ванитас, и весь этот цирк закончится.

Я стискиваю зубы, сильно, до боли, и смотрю на главу семьи Калино. Его лицо совершенно бесстрастно, словно он не услышал ни слова из того, что сказал Джозеф. Мастер Зимнего Двора не сдвигается со своего места ни на миллиметр, а Блум продолжает отступать все дальше и дальше. На ее лице отражаются те же боль и страх, которые в данный момент чувствую я.

Наконец ее дед приподнимает подбородок и едва заметно расправляет плечи. Я делаю глубокий вдох и невольно задерживаю дыхание. Его ответ будет решающим, и он это знает. Конечно, я не хочу, чтобы Блум попала в руки Джозефа. Он вообще не должен больше приближаться к ней. И все же в душе молюсь, чтобы Калино пошел на эту сделку. Тогда у меня получится защитить Блум, тогда она будет в пределах моей досягаемости, и я смогу исчезнуть вместе с ней.

Но сегодня удача не на моей стороне.

– Вы ее не получите, – говорит Калино. Его голос тих и невозмутим, но оттого не менее властен. Эти слова будто бы проникают в ряды повстанцев, словно туман, и отравляют воздух.

– Очень жаль, – с пугающим спокойствием в голосе отвечает Джозеф. – Ты только что решил судьбу своего жалкого Дома, старик.

А потом они бросаются в бой. Сначала – повстанцы, спустя долю секунды – члены Зимнего Дома. Все они режут, все собирают силы, все готовы умереть за то, во что верят. И многих из них как раз это и ждет – смерть.

В отчаянии мечусь в толпе, разыскивая Блум. Когда Уилл и остальные повстанцы рядом со мной бросились в атаку, я потерял ее из поля зрения. Но только через свой собственный труп позволю себе потерять ее здесь. Не после всего, через что мы прошли.

Я отшвыриваю в сторону каждого, кто преграждает мне путь, неважно, кто это, мятежник или член Зимнего Двора. Никто из них не имеет значения, все они второстепенны. Они – часть этой войны и не готовы к мирному решению. Не то чтобы я и сам сейчас пребывал в особенно миролюбивом настроении, но у меня на то свои причины.

Почти не дыша, пересекаю невидимую линию фронта и лечу прямо к армии Зимнего Двора, в самую гущу боя. Магия внутри меня вырывается наружу так мощно, будто испытывает облегчение оттого, что ей наконец-то разрешили себя проявить. Подобно неуправляемому шторму, она отталкивает окружающих людей и их силы, образуя вокруг меня нечто вроде щита. Здесь слишком много людей, чтобы я мог заблокировать их всех. Для этого моей силы недостаточно. Но ее хватит, чтобы отразить прямые атаки, направленные на меня.

Когда я добираюсь до места, где несколько секунд назад стояли Блум и ее дед, останавливаюсь. Сердце в груди колотится так быстро, что, кажется, вот-вот выпрыгнет.

Нет, нет, нет. Черт, нет, я не могу потерять Блум!

Озираюсь по сторонам, сканирую лица вокруг себя, но ни одно из них не кажется знакомым.

– Блум! – почти в отчаянии кричу я. Притворная роль меня уже не волнует. Плевать, что подумают обо мне другие повстанцы, Уилл или Джозеф. Где-то среди этих сражающихся мужчин находится Блум, и я даже не хочу представлять себе все то, что с ней может случиться. Снова кружу на месте, ища в толпе ее светло-русые волосы.

Внезапно краем глаза замечаю какое-то движение. Едва успеваю увернуться – и вовремя: мимо меня проносится энергетический шар, попадая какому-то парню в плечо. Тот с криком падает на землю, но сейчас я не могу на это отвлекаться. Поспешно разворачиваюсь и продолжаю протискиваться сквозь людскую массу. Время от времени отражаю атаки, но меня почти не задевает.

Когда, наконец, замечаю Блум, мне хочется завопить от облегчения. Ее светло-русые локоны отчетливо выделяются среди остальных, сияя мне навстречу, словно своего рода сигнальный огонь.

Однако облегчение длится недолго, потому что едва ли секундой позже в ее живот с силой врезается кулак. Гневный рык вырывается из моего горла, когда я бросаюсь вперед и несусь к Блум и женщине, которые схлестнулись в ожесточенном поединке. Я не узнаю мятежницу, с которой сражается Блум, и, честно говоря, мне плевать, кто она такая.

Я успеваю перехватить руку женщины как раз в тот момент, когда она снова делает выпад, целясь в Блум.

– О нет, так не пойдет! – рычу я и дергаю девушку назад с такой силой, что та пролетает по воздуху целый метр, приземляется на спину и начинает, задыхаясь, кашлять, но я больше не обращаю на нее внимания.

Мой взгляд прикован к Блум. Если еще совсем недавно она выглядела плохо, то за последние несколько минут ее состояние явно ухудшилось. Кровь на лице по-прежнему на месте, кожа все так же бледна, а рука неестественно скована и прижата к телу.

– Ты ранена, – заставляю я себя сказать спокойно, изучая ее лицо. – Куда тебя ранили? Она смотрит на меня, и снова смесь ненависти, неверия и боли плещется в ее светло-серых глазах.

– Тебе жить надоело? – шипит она в ответ. Блум поднимает руку, вытирает ребром ладони уголок рта, где тоже виднеется кровь.

И снова ярость в груди грозит затуманить мне зрение, но я беру себя в руки. Нужно сосредоточиться.

– Потому что пришел сюда, чтобы поговорить с тобой? – Я поднимаю руки так, будто хочу сдаться. – Выслушай меня.

– Не смей указывать мне, что делать, а что нет! – кричит она. – Я и так слишком часто позволяла тебе это. Ты слишком долго издевался надо мной.

– Я не...

Продолжить я не успеваю, потому что в следующее мгновение она прыгает вперед, прямо на меня, вытянув вперед руку. Я понимаю, что она задумала. Я знаю ее силы, я знаю ее. Единственным прикосновением она может вытянуть всю энергию из моего тела. Этого хватит, чтобы вывести меня из строя. Или лишит жизни, что, учитывая убийственный блеск в ее глазах, уже не кажется таким уж надуманным страхом. Поспешно уклоняюсь, и она промахивается, спотыкаясь, делает несколько шагов мимо меня и только потом останавливается. Нахмурившись, я смотрю, как Блум готовится к очередной атаке. Должно быть, она уже использовала свои силы, потому что двигается медленнее, чем обычно, и выглядит измученной и усталой.

– Блум, – настойчиво говорю я, пытаюсь одновременно следить и за ней, и за людьми, сражающимися вокруг нас. – Ты должна...

С яростным криком она снова бросается в атаку. Быстрая, как молния, целится в мою протянутую руку. Я снова хочу отпрыгнуть в сторону, но на этот раз мне не хватает скорости. Блум следит за моим движением, и в следующее мгновение ее сжатый кулак с треском врежется мне в висок. Какой-то миг перед глазами пляшут звезды, и где-то внутри меня взрывается вспышка ярости. Она ударила меня. Блум действительно ударила меня, она...

– Убирайся, Кево! – сердито рычит она, массируя свою руку, которая, вероятно, болит, по крайней мере, так же сильно, как и мое лицо. – Убирайся, пока я не сделала с тобой то же самое, что и с Элией.

– Что?.. – Ее слова, вязкие, словно мед, медленно-медленно проникают в мое сознание. – Что произошло?

Ее смех звучит неестественно. Этот звук мне, наверное, не забыть уже никогда.

– Я убила его, – говорит Блум. – Вытянула из его тела всю энергию, как чертов долбаный вампир. Сразу после того, как он убил мою маму.

Мне становится плохо. Я протягиваю руку и делаю к ней шаг, чтобы... да, чтобы что? Я хочу обхватить ее руками, поднять и унести подальше отсюда. Как можно дальше от всего этого, от войны, от боли. Хотя я понимаю, что некоторые страдания так глубоки, что от них не убежать.

Но Блум этого, конечно же, не допускает. Она отступает назад, как будто между нами стоит невидимый барьер.

– Держись от меня подальше.

– Мне очень...

– Это твоя вина! – кричит Блум мне в ответ. По ее щекам катятся слезы. – Ты появился здесь и заставил меня пойти с тобой. Ты заставил меня довериться тебе и предать мою семью. Если бы я осталась здесь, с мамой... Если бы я осталась здесь, я бы... я бы... – Ее голос срывается, тонет в душераздирающих рыданиях.

Эти звуки глубоко врезаются в мое сердце, так глубоко, что наверняка останется шрам.

– Ты бы ничего не смогла сделать. Ты не виновата.

Блум сглатывает:

– Я знаю. Виноват ты.

Без предупреждения Блум прыгает вперед и на этот раз успевает поймать меня за запястье. Ее пальцы смыкаются вокруг моей руки, и в ту же секунду я чувствую, как энергия покидает мое тело, перетекая к ней. А она, черт возьми, сильная. Гораздо сильнее, чем во время наших тренировок, гораздо сильнее, чем я мог убедиться до сих пор. Я мог бы попытаться заблокировать ее силы, но это только подвергло бы Блум опасности. Лучше я позволю ей вытянуть из моего тела всю энергию, чем сделаю беззащитной.

– Блум! – Я почти не чувствую своих губ, они словно онемели. Ноги начинают покалывать, будто в любой момент я могу потерять сознание.

В следующую секунду тело Блум дергается, и она отрывается от меня. Контакт прерван, и я слышу, как Блум кричит, когда между нами с самодовольной улыбкой на лице возникает Уилл.

Мой ход

Блум

Постепенно мысли проясняются. Чувствую себя не очень хорошо. Никогда раньше не выкачивала столько энергии за такое короткое время. Голова кружится, чувствую перевозбуждение и усталость одновременно. Вполне возможно, мой организм просто использует последние запасы своих сил, и я не хочу представлять, что произойдет, когда они будут израсходованы. Обычно, всякий раз когда я использую силы, потом чувствую себя подавленной. Сегодня я держусь намного дольше, чем обычно, так что вполне вероятно, что от этого истощение будет лишь сильнее.

Мой взгляд мечется от Уилла к Кево и обратно, не зная, за кем следить. Я ненавижу их обоих, но Уилла боюсь больше.

Или? В замешательстве качаю головой. Не знаю, что и думать.

Появление Кево смущает меня сильнее, чем следовало бы. Кево, мятежник, который сначала использовал меня, чтобы украсть амулет, а затем заманил в ловушку, только чтобы бесчисленное количество раз спасти мою жизнь, целовать и украсть мое сердце, пока, наконец, снова не оказался предателем. Кево, который заодно с моим отцом – человеком, возглавляющим армию, виновным в смерти моей мамы. И хотя этот парень знал о моем отце и его роли в этом восстании, он не сказал мне ни слова. Кево слушал мои рассказы о пропавшем отце, с которым я даже не знакома, зная при этом, что на самом деле тот был в первых рядах повстанцев, выступающих за восстановление Ванитас. Он предал меня, он меня обманул. Все это предельно ясно для моего разума, но, к сожалению, не для сердца. Чувства нельзя отключить только потому, что это разумно и очевидно. Дурацкое сердце.

– Так-так-так, – говорит Уилл и бросает быстрый взгляд на Кево, прежде чем повернуться ко мне. – Какая странная картина. А мне казалось, вы прекрасно ладите.

– Заткнись! – рычу я, пытаюсь немного сместить вес. Боль в руке просто адская, правая нога тоже пострадала в битве с той мятежницей. Мне хочется где-нибудь присесть и передохнуть, но, боюсь, сейчас осуществить это будет довольно проблематично.

Уилл цокает языком, словно я – нашкодивший ребенок:

– Ты ко мне несправедлива, Блум. Я не плохой парень. Я ведь никогда не лгал тебе, да?

В принципе, он прав. Уилл с самого начала вел себя как ублюдок. Чего не скажешь о Кево.

Мой взгляд чисто рефлекторно снова оказывается на этом парне, хотя он не заслуживает моего внимания. Тот натужно дышит, пыхтя, и выглядит довольно бледным, но по-прежнему прямо стоит на своих двоих, что даже слегка впечатляет. Но сам факт, что Кево здесь, раздражает и смущает меня. Я не хочу его видеть, не желаю думать о нем. Но больше всего не хочу напоминаний о том, как он воспользовался мной. Он... нравился мне. Я была уверена, что могу ему доверять.

Я была так глупа.

– И что теперь? – спрашиваю я этих двоих, не отвечая на вопрос Уилла. Стараюсь говорить спокойно, но от нарастающего страха голос опасно дрожит. Понимаю, что справиться с ними обоими одновременно у меня не выйдет. Да, я сильна и в другой день, возможно, смогла бы это сделать. Но сейчас силы слишком быстро покидают мое тело, и, боюсь, долго оставаться на ногах я не смогу. Кево может в любой момент заблокировать мои способности, а в прямом бою у меня нет ни малейшего шанса.

– Теперь, – почти торжественно начинает Уилл, наполовину поворачиваясь к Кево, прежде чем снова взглянуть на меня, – мы, как послушные повстанцы, возьмем тебя с собой. Твой папочка будет очень нами гордиться.

Я поспешно делаю шаг назад, заранее зная, что это ни к чему не приведет. Мне не удастся от них убежать.

Когда Кево, однако, ничего не отвечает, Уилл поворачивается к нему и демонстративно поднимает обе брови:

– Не хочешь этим заняться?

Взгляд Кево становится еще холоднее, если это вообще возможно.

– У меня все под контролем. Можешь идти.

Уилл недоверчиво смеется:

– Она тебя только что чуть не убила. Тебе следует благодарить меня, что ты вообще еще держишься на ногах. И ты что, правда думаешь, что я оставлю все лавры тебе?

Тут Уилл не так уж и ошибается, хотя мне и не очень приятно это признавать. Если бы он мне не помешал, Кево уже вряд ли находился бы в вертикальном положении.

Кево скрещивает руки на груди и выступает вперед, чтобы оказаться примерно на одном уровне с Уиллом:

– Я дважды не повторяю. Уходи.

Улыбка постепенно исчезла с лица Уилла, но тут его внимание привлекает что-то за спиной Кево. Проследив за его взглядом, я замечаю группу повстанцев, направляющихся в нашу сторону. Когда Кево поворачивается, я вижу, как начинают играть желваки на его скулах.

– Схвати ее! – требует Уилл. В его голосе – холод и злоба, наигранная непринужденность испарилась. – Немедленно! Иначе мне придется предположить, что ты предан вовсе не нам.

Секунду Кево стоит, уставившись на него, потом поворачивается ко мне. Качая головой, я отступаю, но далеко уйти мне не удастся. Позади меня, на земле, лицом вниз лежит молодой мужчина, лежит совершенно неподвижно. Я едва не спотыкаюсь о его тело, но в последний момент мне удается сгруппироваться и не упасть.

Вот и все. Я не смогу победить их всех. Похоже, мне не остается ничего, кроме как молить их оставить меня в живых. Но этого я, конечно, делать не стану.

Кево медленно идет на меня, и я сжимаю руки в кулаки. Возможно, в конечном итоге я проиграю. Но прежде чем это случится, кто-то из них тоже должен пострадать.

Когда Кево оказывается в нескольких шагах от Уилла, выражение его лица едва заметно меняется. Я вижу это изменение всего за долю секунды до того, как он выбрасывает руку и со всей силы бьет ребром ладони по гортани Уилла. Раздается мерзкий булькающий звук, и я, рефлекторно морщась, перевожу взгляд на Кево.

– Беги! – кричит он мне. За спиной Кево вырисовываются неясные очертания фигур других повстанцев, спешащих к нам. – Беги, Блум! Я найду тебя, ты должна мне верить!

В голове у меня сплошной хаос. Мысли путаются, никак не могу понять, что все это значит. Пытаюсь привести их в порядок, но, кажется, делаю это слишком медленно. Прежде чем успеваю повернуться на голос Кево в последний раз, повстанцы уже добираются до нас. Я не узнаю никого из них, но это, в принципе, и неважно. В тот же миг Кево с воплем разворачивается вокруг своей оси и резко делает подсечку одному из повстанцев, который тут же валится на землю. Буквально в ту же секунду я ощущаю барьер, который создает Кево. Нечто, напоминающее невидимую стену, давит на меня. Я понимаю, что он делает: блокирует магию мятежников, не позволяя им призвать свои силы и использовать их против нас.

В голове возникает миллион вопросов, но разбираться с ними у меня нет ни времени, ни сил. Вместо этого я тоже бросаюсь вперед и впечатываю свой ботинок в грудь одного из повстанцев.

Однако я себя переоценила. Вместо того чтобы отшатнуться и свалиться на землю, парень лишь слегка кашляет, а затем хватается за лодыжку и держит ее так крепко, что я не могу вырваться. Я кричу, отчаянно пытаюсь сохранить равновесие и освободиться, но шансов нет. Повстанец тем временем выкручивает мою ногу так сильно, что лодыжку пронзает резкая боль, и я делаю отрывистый вдох. Единственное, что мне удается, – это не упасть, хотя держаться в вертикальном положении получается с трудом.

– Это было ошибкой, – слышу я рычание Кево, который быстро приближается к нам.

Словно из ниоткуда на мое плечо опускается рука и рывком тянет меня назад. Пальцы мятежника соскальзывают с моей кожи, и я немного отпрыгиваю в сторону, прежде чем восстановить равновесие. В панике оглядываюсь по сторонам и выдыхаю с облегчением, когда замечаю рядом с собой дедушку. Он выглядит довольно помятым, по щеке растекается темный синяк, но взгляд полон льда.

– Возвращайся в дом, Блум.

Повторять дважды ему не приходится. Пошатываясь, я пчусь назад, не обращая внимания на боль в ноге, плече и других местах.

То, что происходит дальше, врежется в мою память как раскаленное железо, хотя все происходит так быстро, что я едва успеваю это осмыслить. Когда я отступаю и пытаюсь осознать всю ситуацию, дедушка поднимает руку. В его ладони блестящее оружие, он целится прямо в грудь мятежника, который только что держал меня за ногу.

– Что?.. – Мои слова теряются в оглушительном грохоте. В следующий момент повстанец падает на землю. Затем – еще один выстрел и еще одна безжизненная фигура у наших ног.

Мысли беспорядочно мечутся в голове. У моего деда нет оружия. Он пацифист. Он не может вот так стоять здесь и стрелять в людей! Он не может...

Словно сквозь густой туман в сознание медленно просачивается сцена, которая сейчас разворачивается передо мной, – мой дед медленно поворачивается к Кево.

– Нет! – кричу я. И сама едва узнаю свой голос: я больше не контролирую свое тело. Как если бы мои мышцы обрели собственную жизнь, я прыгаю вперед и оказываюсь точно перед Кево. Между ним и пистолетом.

Глаза моего деда в недоумении расширяются.

– Блум. Исчезни.

Страх разъедает меня изнутри, адреналин струится по венам. Я знаю, что веду себя глупо. Я знаю, что я не на той стороне. И все же не могу сдвинуться с места ни на дюйм.

– Только не его, – хриплю я.

Кево позади меня резко вдыхает, но сейчас я не в состоянии на это отреагировать, даже если бы захотела. Я чувствую, как он пытается проникнуть в мою голову, и отчаянно пытаюсь удержать стену, которая не пускает его в мои мысли.

– Что? – спрашивает дедушка, словно не верит своим ушам. На его лице так много эмоций. Настолько много, что я с трудом могу их различить. – Он один из них, Блум. Он...

– Он спас мне жизнь, – говорю я удивительно твердым голосом. – И не раз. Я в долгу перед ним.

Прежде чем мой дед успеваает что-то возразить, со стороны двора раздается ужасный грохот, а следом – крики и вопли. Дедушка оборачивается, я слежу за его взглядом. Толпы людей выбегают со двора – сначала повстанцы, потом люди, которые кажутся мне смутно знакомыми. Впереди я узнаю мужчину, который, я почти уверена, является советником Мастера Весны. Кавалерия здесь. Мы получили подкрепление.

Повстанцы это, кажется, понимают тоже. Один за другим они отступают и бегут к берегу.

Дед по-прежнему стоит к нам спиной, а мое изнеможение нарастает с каждой секундой. Когда Кево обходит меня, становится напротив и берет мое лицо в свои руки, у меня едва хватает сил сопротивляться.

Я вернусь. – Его голос эхом разносится в моей голове, сначала тихий и невнятный, как ненастроенное радио, затем громкий, как раскат грома. – *Ничего этого я не хотел, зимняя девушка. Я вернусь и заберу тебя.*

Кево склоняется ближе, и в следующее мгновение его губы оказываются на моих.

Понятия не имею, шок это или истощение, в любом случае я позволяю этому случиться. Позволяю ему поцеловать меня. И позволяю отступить от меня, уйти – шаг за шагом.

Бросив на меня последний отчаянный взгляд, Кево окончательно отворачивается и вместе с другими повстанцами устремляется к фьорду.

Часом позже я сижу на небольшом куске стены, чудом уцелевшем в бою. Он будто просто отказался быть уничтоженным. А может, с тех пор как повстанцы покинули остров, прошло уже два часа, а то и три. Чувство времени покинуло меня, прихватив с собой мой боевой дух и желание отомстить.

Вокруг меня сплошной хаос. Земля усеяна горами обломков – камней, оставшихся от разрушенных стен Зимнего Двора, частями различного оружия и прочего хлама, оставленного после боя. Мимо снуют люди, заноса раненых во двор или вынося трупы. Я зажмуриваюсь, сопротивляясь желанию заткнуть уши. Я не хочу этого видеть. Ни страданий, ни смертей. Каждое безжизненное лицо, знакомое или нет, напоминает мне мою маму, и сейчас я не могу с этим смириться. Понятия не имею, куда они ее унесли. Когда по пути в свою комнату я проходила через холл, ее там уже не было. Наверное, об этом позаботился мой дед.

Мое тело сотрясается от рыданий, и я крепче обхватываю себя руками, словно пытаюсь не развалиться. Потому что мне кажется, что я вот-вот распадусь на части. Мне казалось, что боль, которую причинил мне Кево, невыносима. Но я жестоко ошибалась. Я и понятия не имела о боли, потому что те муки, которые я испытываю сейчас, когда думаю о маме, едва не разрывают меня на тысячу кусочков. Мое сердце превратилось в руины, и я уверена, что уже никогда не смогу собрать его воедино.

Я убила человека, я стала убийцей – но, даже несмотря на это, спасти ее не смогла. Каждый раз, закрывая глаза, я вижу перед собой их безжизненные лица – то мамино, то Элии. Чувства, что я испытываю к этим двум людям, чрезвычайно разные, но оба они разрывают мое сердце на части. Умом я понимаю, что, не останови я Элию, он, вероятно, убил бы и меня. И все равно – еще несколько часов назад он был живым человеком, мужчиной, у которого были будущее и семья, а из-за меня ничего этого больше не осталось. Целая жизнь, в один миг стертая с лица земли моей рукой. Это просто неправильно.

Нехотя поднимаю голову и смотрю на мужчину и женщину, стоящих рядом со мной. Они из вежливости держатся на безопасном расстоянии и делают вид, что не обращают на меня внимания, но я знаю, что они там из-за меня. Не для того, чтобы защитить. Они наблюдают за мной и следят, чтобы я не устроила заговор и не вонзила в спину моего деда нож.

Как только мятежники покинули остров, все собрались и принялись устранять ущерб – материальный и человеческий. Не желая ни с кем разговаривать, я направилась напрямик в свою комнату, но не выдержала там и пяти минут. Образы мамы, возникшие в моем сознании, материализовались в ядовитый туман, который чуть не задушил меня. Поэтому я снова спустилась вниз, где меня тут же встретили эти няньки и больше уже не отходили от меня ни на шаг.

С тех пор со мной еще никто не заговорил, но в этом, в принципе, и нет необходимости. Защитив Кево, я встала не на ту сторону. С точки зрения моего дедушки, конечно. Сейчас даже мне трудно отличить хороших от плохих. Какое-то время я считала свою семью жертвой во всем этом деле, затем повстанцы убедили меня в обратном, и я сражалась на их стороне. До

того как они предали меня, напали на мой двор и убили невинных людей. Я вернулась обратно, надеясь вместе с дедом найти разумное, мирное решение. Остановить, наконец, насилие, хотя и слишком поздно. Но в тот момент, когда мой дед направил оружие против повстанцев, вся та вера в мирное завершение, что еще оставалась во мне, рухнула, как карточный домик. Чтобы добиться своего, мой дед убивал. А я из-за моего глупого сердца теперь в его глазах оказалась на стороне неприятеля. Теперь я – один из тех врагов, за которыми нужно пристально следить.

Вздыхнув, закрываю лицо руками. Одна лишь попытка распутать весь этот бардак в моей голове вызывает пульсирующую боль в области лба. В фильмах, книгах и рассказах все очень просто – есть черное и белое, хорошее и плохое. В моей истории все кажется каким-то серым.

Никак не могу до конца осознать все случившееся. Мой разум полностью перегружен задачей обработки всего, что произошло за последние несколько часов. С одной стороны, я хочу свернуться калачиком под одеялом и оплакивать маму, с другой – не могу не думать о Кево. Что-то не сходится. Не то чтобы Кево когда-либо был словно раскрытая книга или его действия были понятны, но это другое.

Мне казалось, он изображал из себя моего друга только для того, чтобы сделать меня более покладистой. Чтобы держать меня под контролем и не дать мне сбежать или сделать что-либо самостоятельно. Что, кстати, сработало просто блестяще.

Но к чему тогда та игра, которую он вел сегодня? К чему поцелуй и что за обещание вернуться за мной? Кево потерял мое доверие, и не думаю, чтобы он был настолько глуп, чтобы надеяться снова завоевать его парочкой милых словечек. Сегодня он ворвался в мой дом с Джозефом, Уиллом и другими жаждущими мести повстанцами, убив членов моей семьи и друзей. И пусть он лично никого не лишил жизни, их кровь и на его руках тоже. Мы стоим по разные стороны – буквально. Еще несколько часов назад я была абсолютно уверена, что все вопросы между нами закрыты раз и навсегда. А потом он целует меня, вызывая в воображении все те чувства, которые я испытываю к нему и пытаюсь подавить. Если Кево все равно собирается вернуться и забрать меня, то почему он остановил Уилла? А другие повстанцы? Что это ему дало? Ведь в интересах Кево было либо схватить меня, либо оставить Уиллу.

Против воли в моем сердце зарождается слабый огонек надежды, но я тут же отбрасываю его. Кево, возможно, и спас меня сегодня, но до этого он меня предал. Он работает с Джозефом, работал все это время – и это достаточное доказательство того, что он – не из хороших парней.

Резкая боль пронзает мою голову, и я снова смыкаю веки. Вероятно, это нервный срыв. Не удивлюсь. Мне ли винить свое тело в том, что оно просто сдалось.

Понятия не имею, как долго я вот так сижу на стене, пытаюсь отгородиться от того, что происходит вокруг меня. Я хочу встать и пойти куда-нибудь еще, подальше от всего этого. Но куда мне идти? Свою комнату я сейчас не переносу, не говоря уже о спальне моей матери. И уж точно не в лес – мои надзиратели это вряд ли позволят. Сейчас они просто стоят и смотрят на меня, но я достаточно долго живу в Зимнем Дворе и являюсь частью этой семьи, чтобы знать, что означает их присутствие. Раньше я любила сравнивать Дворы Сезонов с мафией – и не без оснований. Если кто-то напортачит так, что это будет угрожать семье или нашей тайне, наказание будет безжалостным. Тогда тебя без всякой пощады изгонят из Двора, лишив средств к существованию. А до тех пор ты будешь находиться под домашним арестом, под охраной влиятельных членов семьи. Я не знаю, что мой дедушка планирует со мной сделать. Но эти два сторожевых пса приставлены ко мне, конечно, вовсе не ради моей собственной безопасности.

Так что мне ничего не остается, кроме как сидеть на месте и надеяться, что потрескавшиеся камни под моими ногами разверзнутся и просто поглотят меня целиком.

Меня пробирает дрожь. Я так измучена. Никогда прежде не напрягала так себя и свои силы, и эти усилия постепенно дают о себе знать. Снова и снова на миг чернеет перед глазами, но я стараюсь держать себя в руках и борюсь с этим. Может, мне просто следует позво-

лить этому случиться. Отключиться и надеяться, что я больше никогда не проснусь. Или не проснусь, пока все это не закончится. Думать так, конечно, глупо.

Образ мамы вновь всплывает перед моим мысленным взором, и я всхлипываю. Она мертва, разумом я знаю это, но сердце отказывается это принять. Я не хочу принимать этот факт, не хочу думать о том, что больше никогда ее не увижу. Что никогда больше не смогу поговорить с ней о моем отце, никогда не задам ей все те вопросы, от которых всегда выдерживалась. Я думала, у меня есть еще целая вечность, чтобы разговаривать с ней. Когда я вернулась домой после побега из укрытия в Гетеборге, я была слишком оскорблена и горда, чтобы поговорить с ней должным образом. Если бы все это время назад, с тех пор как она встретила меня в порту, я знала, что это время – все, что у нас осталось, я использовала бы каждую секунду.

Я чувствую своего деда еще до того, как вижу. Моя голова опущена вниз, лоб упирается в колени, но я сразу же понимаю, что он здесь. Мои сопровождающие прочищают горло, а через секунду я слышу их торопливо удаляющиеся шаги.

Делаю глубокий вдох и поднимаю голову.

Его не узнать. Тот щеголеватый, строгий мужчина, которого я знала всю свою жизнь, исчез. На его месте стоит сломленный человек с синяком на лице, усталыми глазами и волосами, которые выглядят так, будто с одной стороны их опалили горелкой. Должно быть, он переоделся, потому что его одежда чистая и выглаженная, но общее впечатление это улучшает мало.

– Блум, – странно отстраненно говорит он, глядя на меня сверху вниз. Я бы хотела, чтобы он сел рядом со мной. Но даже если бы дед тоже этого захотел, на небольшом участке стены едва бы хватило места для нас обоих. – Что ты здесь делаешь?

Я пожимаю плечами:

– Не знаю.

Некоторое время он продолжает изучать меня взглядом. Понятия не имею, о чем он думает, да мне и неважно. Мне на все наплевать. За последние несколько недель я не раз пыталась вмешаться в историю времен года. Я старалась внести свою лепту, помочь, сыграть свою роль во всем этом. И что это мне принесло? Ничего, кроме горя, боли и смерти. Жаль, что на протяжении тысячелетий Ванитас был исключен из цикла времен года. Я знаю, что это неправильно и что бороться за право потерянного пятого сезона – верно. Все, чего хотят повстанцы, – это то, что принадлежит им по праву. Тем не менее я начинаю задумываться, действительно ли эта борьба стоит всех этих страданий.

– Пойдем, – наконец говорит мой дед и поворачивается, не дожидаясь моего ответа или вообще какой-либо реакции.

Мгновение я медлю, потом с трудом поднимаюсь. Отказываться бесполезно. В худшем случае он выгонит меня из Зимнего Двора, и тогда я даже не представляю, куда пойду. Всю свою жизнь я мечтала лишь о том, чтобы вырваться из этой золотой клетки. И все же это единственный дом, который я знаю.

Едва я выпрямляюсь, приступ головокружения накатывает на меня с такой силой, что кажется, я вот-вот просто свалюсь с ног. Стиснув зубы, закрываю глаза, опираюсь на стену и жду, когда слабость утихнет.

Когда я открываю глаза вновь, то встречаю взгляд деда.

– Может, позвать кого-то, кто поддержит тебя?

Я сглатываю. Он не сказал этого прямо, но я все равно знаю, что именно дед хотел дать понять мне этими словами: сам он мне не поможет. И я энергично трясу головой:

– Все нормально.

Дедушка едва заметно кивает:

– Тогда идем. Нам нужно поговорить.

Изгой

Опустившись в кресло для посетителей в кабинете моего деда, я не могу подавить стон облегчения. Болит так много частей тела, что я не в силах перечислить их все, а голова такая ватная, словно я под завязку наглоталась транквилизаторов.

Как только дедушка занимает место напротив меня, я сцепляю пальцы на коленях, чтобы он не видел, как сильно дрожат мои руки. Когда я была здесь в последний раз, позади меня стояла мама.

Теперь я одна.

– Кто тот мятежник? – сразу переходит к делу дедушка и смотрит на меня так строго, что я едва не отшатываюсь. – Тот, за которого ты вступилась.

Чертовски хороший вопрос. Не то чтобы я не могла на него ответить. Я не хочу отвечать. По крайней мере, правду.

– Я не знаю его имени, – вылетает из моего рта так легко, что сама удивляюсь.

Одним из побочных эффектов последних нескольких недель, как видно, является то, что лгать мне стало намного легче, чем раньше. И хотя сейчас это, возможно, спасет мою задницу, я сомневаюсь, что это можно отнести к положительным моментам.

– Ты спасла жизнь повстанцу, даже не зная, как его зовут? – ровным голосом спрашивает дедушка, и я кусаю губы. Он прав, звучит не очень правдоподобно, хотя дед, к счастью, не видел поцелуя.

Делаю глубокий вдох и несколько раз быстро моргаю, чтобы прогнать из головы усталость и туман, – безрезультатно.

– Тебе не понять.

– Вот как? – снисходительно смеется он. – А я почти уверен, что тот, кто ничего здесь не понимает, – это ты, и что...

– Нет, – прерываю я его, игнорируя резкую боль в голове. – Нет, я больше не хочу этого слушать. Вполне возможно, что у меня есть некоторые пробелы в том, что касается политики сезонов и нашей истории. Но это, если позволишь напомнить, – не моя вина. Это у тебя есть секреты, и ты сознательно их скрываешь. Но дело не в этом. Эта война уже давно не в вашей власти, она давно вас переросла. И, может быть, было бы неплохо, если бы вы начали это осознавать и действовать соответственно.

– Что это значит?

Я заламываю руки, потом сую их себе под бедра.

– В этой войне существует не только черное и белое. Здесь не две враждующие стороны, которые столкнулись друг с другом. Мятежник, которого ты хотел убить, – не из числа плохих парней. Он не хочет никого убивать, не хочет никому причинять вреда. Он просто хочет получить то, что положено ему по праву. Он хочет вернуть то, что мы много лет назад отобрали у его семьи.

Все внутри меня кричит о том, чтобы забрать свои слова обратно и высказать в отношении Кево чертовски другую характеристику, но я не могу этого сделать. Что бы он ни сотворил со мной, он – вовсе не порождение ада. Да, этот парень использовал меня в своих целях, лгал мне, он предал меня и разбил мне сердце. И все же я до сих пор верю в то, что, если бы у него был выбор, он предпочел бы мирное решение. По крайней мере, смерти он точно не заслужил.

– Очевидно, на пути к этой цели он готов и на убийства, – холодно говорит дедушка, откидываясь в кресле. – Твоя мать ради этой цели умерла.

Боль, которая всего за несколько секунд затапливает все мое сердце, настолько сильна, что на мгновение вышибает из меня дух. Слезы затуманивают мне зрение, но я поспешно

смахиваю их. Я не могу сейчас сломаться. Только не здесь и только не сейчас. Потом у меня еще будет достаточно времени, чтобы оплакивать мать.

– Он ее не убивал. – Мой голос едва слышно дрожит, когда я встречаю взгляд деда. – Это был другой мятежник. И я его убила.

Глаза моего деда расширяются:

– Что ты сделала?

– Да, – говорю я, стараясь, чтобы мой голос звучал равнодушно. – Ты, кажется, удивлен. Дед соединяет кончики пальцев.

– Я удивлен, что ты способна на убийство.

Внутренне вздрагиваю. Я действительно убила Элию, и при любых других условиях чувство вины наверняка мучило бы меня, но в данный момент мое подсознание не допускает этой мысли. В конце концов, Элия сражался на стороне зла.

Быстро изображаю на лице равнодушную мину.

– Ты уже не в первый раз недооцениваешь меня, ведь так?

Через несколько секунд, в течение которых он смотрит на меня, как на особенно причудливый объект исследования, дед встает со своего места и обходит стол. Затем молча прислоняется к столешнице и скрещивает руки на груди. Его взгляд леденеет и, кажется, буквально пронзает меня насквозь. Я всегда знала, что мой дед могущественен. Но сейчас впервые осознаю, что он может быть опасен. Это не дедовская строгость, не семейная забота. В его глазах нет ни малейшего намека на дружелюбие.

– Ты больше не покинешь этот дом, – наконец говорит он, и тон его голоса соответствует пронизывающему взгляду, которым дед смотрит на меня. – Ты будешь находиться под присмотром и не будешь контактировать ни с кем за пределами Двора. Пока все не закончится, мы не спустим с тебя глаз.

– Что? – спрашиваю я, в совершенно нерациональной надежде на то, что ослышалась. – Ты хочешь запереть меня здесь?

– Ты выбрала их, – говорит он тихо, так тихо, что я едва разбираю его слова. – Когда ты ушла с ними, то решила пойти против нас. Когда ты вернулась домой, я надеялся, что ты осознала свою ошибку. Твоя мать надеялась... – Он прерывается, и на мгновение я совершенно точно уверена, что вижу в его лице ту же боль, что навсегда запечатлелась в моем сердце. – Но когда ты могла проявить себя, ты встала между мной и врагом. Защитила его и позаботилась о том, чтобы еще один из них смог сбежать. Я не позволю тебе разрушить все, что я построил, все, над чем веками трудилась твоя семья. Ты молода и наивна, но это не оправдание для небрежности.

– Я нужна вам, – напоминаю я ему ломким голосом. – Вы нуждаетесь во мне, чтобы довести дело до конца. Без меня вы не сможете закончить зиму, даже если найдете амулет и зимний кристалл.

На лице деда не дергается ни один мускул.

– Тем более ты должна оставаться здесь, чтобы я знал, что ты – в безопасности. Ты уже была там, снаружи, и видела, как устроен мир. Я думаю, в тебе достаточно здравого смысла, чтобы принять правильное решение, когда придет время.

Я делаю глубокий вдох, и мои пальцы впиваются в толстую обивку кресла под бедрами.

– А что бы со мной стало, если бы я не была Хранительницей? – нерешительно спрашиваю я.

– Что ты имеешь в виду?

– Я вам нужна, – повторяю я. – Что бы ты сделал со мной, если бы это было не так?

Несколько долгих секунд он изучает меня взглядом. Я знаю, он понял мой вопрос и теперь раздумывает, солгать мне или нет. И, видимо, решил не делать этого.

– Если бы для нас ты была бесполезна, ты больше никогда не ступила бы в этот дом. Тебе бы пришлось уйти вместе с мятежниками или умереть вместе с ними.

Я резко втягиваю в себя воздух. Я задыхаюсь. Часть меня уже знала об этом еще до его ответа, но услышать это в реальности было словно удар под дых.

Это больше не моя семья. Моя мама мертва, и теперь мой дом напоминает тюрьму больше, чем когда-либо прежде. И люди, которые должны меня поддерживать и кому я должна доверять, – они... они мои тюремщики. Все это я понимаю, пока дед отворачивается от меня и нажимает кнопку интеркома на своем столе.

И еще кое-что медленно проникает в мой разум сквозь беспорядочную путаницу мыслей: мой дед нуждается во мне. Больше, чем я думала до сих пор. Мятежники не знали точно, в силах ли мой дед самостоятельно закончить зиму и выполнить ритуал. Но его слова дали понять, что он на такое не способен.

Я им нужна. И моему Дому, и мятежникам.

И это единственное оружие, которым я на данный момент обладаю.

Три дня миновало с тех пор, как повстанцы вторглись в Зимний Двор. Три дня с тех пор, как моя мама умерла на плитах холла, а я убила Элию и была заперта в своей комнате. Три дня, как мой собственный маленький мир развалился на части.

Умом я понимаю, что убийство Элии вовсе не было рациональным действием. Что я не была в здравом уме, когда убивала его, и что он, вероятно, сделал бы то же самое со мной, если бы я оставила ему такую возможность. В итоге выбор был таков: или он, или я. И все же, когда я остаюсь наедине со своими мыслями, эти логичные, отстраненные аргументы не доходят до моего сердца. Я никогда не думала, что способна на убийство. И даже предположить не могла, что после такого смогу жить с самой собой – вот такой. Но я должна, несмотря на то, что лицо Элии преследует меня в кошмарах и я постоянно ловлю себя на мыслях о его семье и всех тех, кто его оплакивает.

В сотый раз отгоняю мысли об Элии и свое чувство вины на задворки сознания, подхожу к окну и прижимаюсь лбом к ледяному стеклу. Зима всегда крепко держалась за этот остров, но сегодня все хуже, чем обычно. Мой дом... нет, мой бывший дом, Зимний Двор, находится на частном острове во фьорде Осло, который даже летом какой-то ледяной. Магия зимы, которая царит здесь повсюду, не позволяет распускаться цветам и тут никогда не становится по-настоящему тепло.

Но с тех пор, как время зимы прошло и хрупкое равновесие природы было нарушено, наступил настоящий ледниковый период. И не только здесь, на нашем острове. Когда я в последний раз, еще в Гетеборге, смотрела новости, некоторые города были погребены под многометровым слоем снега и льда, происходили землетрясения, наводнения и прочее. Все это, вероятно, за последние несколько дней стало только хуже. Мир буквально находится на грани гибели – и все потому, что кучка помешанных на власти мужчин несколько тысячелетий назад поспорили о том, кто из них главнее.

Последовательность течения мира проста: Весна, Лето, Осень, Зима и Ванитас. Так, по крайней мере, было предусмотрено богами, которые передали нам контроль над временами года. Ванитас, пятое время года, другие сезоны в какой-то момент посчитали бесполезным, и члены Ванитас были свергнуты и убиты, а время Ванитас распределено между лидерами восстания: Летом и Зимой. Все это свершилось тысячелетия назад, и несколько недель назад я даже не знала, что этот утраченный сезон вообще когда-либо существовал. Никто больше не говорил об этом, восстание и изгнание Ванитас были просто стерты из памяти и игнорировались, как неприглядное пятно в семейной истории.

И вот теперь я нахожусь в эпицентре последствий этой ужасной ошибки. Потому что одержимые властью Мастера сезонных Домов не учли главного – побочных эффектов, которые

влечет за собой приостановление сезона. Стихийные бедствия происходят все чаще, изменение климата становится проблемой, а сырье становится все более дефицитным. То, что ученые и СМИ представляют как техногенные или даже природные явления, на самом деле является прямым следствием разрушения Ванитас. Хотя воздействие проявляется довольно медленно.

Однако после восстания мятежников, когда они предотвратили переход Зимы в Весну, чтобы возродить Ванитас, все действительно полетело к чертям.

И вот мы здесь. В центре гребаного апокалипсиса.

Вздыхнув, я поворачиваю голову и прижимаюсь щекой к окну. Мне жарко и холодно одновременно. Непокойно и в то же время хочется весь день пролежать в постели. Возможно, у меня развивается депрессия. Или лихорадка. Потому что, хотя это моя комната, мой дом, время, проведенное взаперти здесь, ощущается намного хуже, чем то, когда меня держали в плену повстанцы. Там я хотя бы знала, кто из них – плохой. Там у меня был образ врага, на котором можно было сосредоточиться. И у меня был... у меня был Кево. Глупо отрицать, что тогда он был своего рода светом во тьме. Он заботился обо мне и был добр ко мне – даже если эта доброта и забота были только притворными.

Или нет?

Я отбрасываю эту мысль и пытаюсь отодвинуть в сторону сомнения, которые снова звучат во мне. Еще один негативный побочный эффект моего одиночного заключения – слишком большое количество свободного времени. Мой телефон куда-то пропал, а выход в интернет через ноутбук отключен. Фильмы, загруженные на жесткий диск и скачанные через торренты, я посмотрела, наверное, уже сотню раз. И теперь у меня слишком много времени на раздумья, что для меня не очень-то и хорошо. Потому что, помимо мамы и бабушки, Кево – тот, кто сейчас занимает мои мысли чаще всего. Снова и снова я вспоминаю слова, которые он сказал мне на поле боя: *Я вернусь и заберу тебя. Ничего этого я не хотел.* Я заново переживаю каждую секунду, которые мы провели вместе, – и все равно ничего не понимаю. Зачем он пришел сюда? Вероятно, затем же, зачем и другие повстанцы, ведомые моим отцом: помочь им заполучить меня. Чтобы заставить меня пройти ритуал перехода времен года, который инициирует Ванитас. На первый взгляд в этом даже есть смысл.

Но тогда почему он защитил меня от повстанцев? От Уилла и его друзей? Почему отказался схватить меня? Почему не позволил им меня забрать? Он мог просто перекинуть меня через плечо и унести. Он бы точно смог это сделать. После потери мамы и всей этой борьбы я была очень слаба. У меня уже не было должной концентрации. К тому же мне известно, насколько силен Кево. Я уже убедилась в этом на собственном опыте. Он бы легко одолел меня. Он мог заблокировать мои способности.

Но он этого не сделал. Кево допустил, чтобы я осталась здесь, а повстанцам пришлось бежать с острова с пустыми руками.

Зажмуриваюсь, и с моих губ срывается странный стон разочарования. Я уже столько раз прокручивала в голове все эти мысли, но так и не пришла к удовлетворительному выводу. В поведении Кево просто нет смысла. Возможно, с этим мне просто придется смириться.

Отчаяние охватывает меня, так что на миг даже кажется, будто я вот-вот задохнусь. Как все это могло произойти? Как могло зайти так далеко? Часть моего разума просто отказывается принимать и обрабатывать все это.

Хуже всего ночью. Я просыпаюсь в поту – либо оттого, что снова и снова вижу во сне, как умирает моя мама, либо оттого, что мне снится, как я опять убиваю Элию. Или потому, что Кево появляется в моих снах, целует меня, обнимает и шепчет мне, что я не одна и что все будет хорошо. Я не хочу, чтобы он мне снился, не хочу даже больше о нем думать. В то же время мне так сильно хочется, чтобы мои сны о нем сбылись, что это почти больно. Я хочу, чтобы он обнимал меня. Хочу, чтобы его губы касались моих, чтобы он обнимал меня и крепко держал, чтобы не дать мне упасть. Не хочу быть одинокой.

И все же сейчас все именно так. Я в полном одиночестве. Последние три дня я не выходила из комнаты, даже поесть. Три раза в день кто-то приносит поднос и ставит его перед моей дверью. Я открываю, напротив у стены два надзирателя – смотрят на меня с невыразительными лицами. Словно я опасна. Будто из-за меня стоит волноваться.

Постоянно думаю о побеге. Однажды мне уже удалось. Но здесь все иначе, чем в квартире повстанцев в Осло. Сейчас я на гребаном острове и почти уверена в том, что среди скал не валяется никаких моторных лодок, оставленных без присмотра. Люди, живущие здесь, – не кучка неопытных бунтарей-подростков. Это взрослые люди, которые полностью контролируют свои способности и только и ждут, что я сделаю какую-нибудь глупость. Быть может, если бы мне пришлось сражаться только с собственной семьей, у меня еще был бы шанс. В моих жилах течет кровь моего отца, кровь представителя Осеннего Дома, и это дает мне определенное преимущество перед членами Зимнего сезона. В отличие от большинства из них, я обладаю активными способностями, о которых они, возможно, даже не подозревают. Я осознала всю глубину своих возможностей только во время пребывания с Кево и остальными мятежниками, но об этом я своему деду не рассказала. Поэтому никто здесь не знает, что я могу преобразовывать энергию, которую отнимаю у своих противников, в физическую силу. Что я действительно могу сбежать.

Однако за те бесчисленные часы, которые я провела, сидя у окна, я заметила, что представители других Домов по-прежнему здесь. Те, кто поддержал нас во время схватки с повстанцами.

Понятия не имею, почему так. Возможно, это сделано из практических соображений, потому что они готовятся к новым нападениям. А может, из-за меня. Возможно, им и неизвестно, на что я способна, но мой дед не настолько глуп, чтобы отбросить всякую осторожность. Мысль о том, что мой дед может бояться меня, интригует настолько же, насколько и абсурдна.

Когда за дверью раздается звон посуды, я на мгновение задумываюсь: может, мне просто проигнорировать это – и все? Я не знаю, кто каждый день приносит мне еду – каждый раз, когда я открываю дверь, того, кто это делает, уже след простыл. Может, объявить забастовку? Перестать есть и посмотреть, как они занервничают. В конце концов, я ведь нужна им, дед сам так сказал. С другой стороны, не представляю, что будет, если я действительно уморю себя голодом. После смерти Сандера Хранительницей стала я. Если умру я – чья тогда настанет очередь? Может, Зары, но это все равно что пустить козла в огород. Потому что Зара, насколько я знаю, до сих пор с повстанцами, и к тому же у них с сестрой Кево Катариной что-то там происходит. Зара, как и я, перешла на другую сторону. Так что, если я уморю себя голодом и умру, следующий Хранитель окажется прямо в гнезде мятежников и мой дед ничего не выиграет.

Слегка безумная улыбка трогает мои губы. Возможно, сразиться с ними со всеми и сбежать я не смогу. Я ничего не могу с ними сделать. Но они не могут помешать мне причинить себе вред. Я не собираюсь лишать себя жизни, но заставить их так думать не помешает.

Я нашла их слабое место.

Давай поговорим

Кево

Кулак с треском врежется мне в лицо, но я молчу. Я не издаю ни стона от боли, ни хрипа, ни тем более мольбы. Неважно, сколько они хотят продержат меня здесь. Боль взрывается в моей щеке, однако утихает так быстро, что, наверное, стоило бы забеспокоиться.

Левый глаз уже опухает, большая часть лица онемела. Моргаю пару раз: грязный бетон расплывается перед глазами, потом зрение наконец проясняется. Осторожно выпрямляюсь, но голова все равно немного кружится. Обезвожен и вот уже несколько дней нормально не ел.

Уилл стоит передо мной и смотрит на меня как на грязь под ногами.

– Все еще нет? – спрашивает он, тяжело дыша.

Я стискиваю зубы так сильно, что челюсти начинают ныть от боли. Но с моих губ не слетает ни слова.

– Понятия не имею, почему ты все усложняешь. – Он встряхивает руку, которой только что ударил меня. На лбу выступили мелкие капли пота, кожа Уилла покраснела от напряжения. – Это все из-за девчонки? Девчонки, которая рано или поздно отправится на тот свет, если так будет продолжаться и дальше?

Мои руки, привязанные к подлокотникам стула, непроизвольно сжимаются в кулаки. Если я когда-нибудь доберусь до Уилла, то убью его – медленно и мучительно. Наслаждаясь каждой секундой.

Уилл, кажется, понимает, что задел меня за живое, потому что на его лице расплывается дьявольская ухмылка, когда он подтягивает к моему стулу второй и садится на него верхом. Он осторожен, он тщательно следит за тем, чтобы не оказаться в пределах досягаемости моих ног, что для меня довольно досадно.

Уилл опирается руками на спинку стула.

– Блум, – говорит он, неестественно растягивая слово, и не спускает с меня глаз. – Такое невинное имя, не находишь? Для типичной серой мышки с последнего ряда.

Я стискиваю зубы еще сильнее, чтобы не сказать ему в ответ какую-нибудь глупость. Мне хочется плюнуть ему в лицо, но я не делаю ему одолжения, отвечая на его насмешки. Пока.

– Хотя она не такая уж и невзрачная, да? – Глаза Уилла блестят. – Что она сделала, чтобы вот так обвести тебя вокруг пальца? Должно быть, она была очень убедительна, раз заставила тебя изменить все свои идеалы и планы. – Он смеется – так громко, что я вздрагиваю.

Гнев внутри меня бурлит со все нарастающей силой, но помимо гнева я чувствую сожаление. Сожаление, что я не убил этого типа, когда у меня была такая возможность, что я вообще позволил ему приблизиться к Блум.

– Ты всегда был засранцем, – подчеркнуто спокойно цежу я сквозь зубы. Это первые слова, которые я произношу с тех пор, как меня привели в эту комнату и начали избивать. Хорошо подобранные первые слова.

Он цокает языком.

– Раньше мы были на одной стороне, Кево. Тебе следовало знать, где твое место.

– Мы никогда не были на одной стороне. – Я сплевываю в сторону и вижу кровь, но в данный момент меня это не волнует. – Возможно, какое-то время я действительно убеждал себя в этом, но это было ошибкой. – Я взвешиваю каждое свое слово. Я говорю искренне. На какое-то время мои друзья и люди Джозефа действительно образовали своего рода сообщество по интересам. Мы нуждались друг в друге и работали вместе. Ни больше ни меньше.

При мысли о том, насколько я был наивен, я с трудом подавляю рык. До недавнего времени мы были просто детьми, которые хотели отомстить сезонным семьям за их ошибки. Я вырос, зная, что они сделали с моими предками, с моими родителями. Моя мать была мятежницей, она боролась за свободу семьи Роша и воскрешение Ванитас и умерла ради этой цели. Когда в последние годы стало формироваться все больше и больше разрозненных повстанческих группировок, я был чуть ли не в эйфории. Я встречался с другими мятежниками, заводил знакомства и в какой-то момент услышал о Джозефе – члене Осеннего Дома, который впал в немилость и теперь пытается возглавить восстание против Домов.

Возможно, мне с самого начала следовало отнестись к нему более подозрительно и усомниться в его мотивах. Но когда я впервые встретился с Элией и он рассказал мне о плане украсть амулет во время Весеннего бала, я даже не стал долго раздумывать. Я хотел действовать, хотел, наконец, оказаться на передовой, продолжить борьбу своих родителей вместо них. И даже когда я узнал о смерти Сандера, то не отступил. Чем была жизнь одного Зимнего юноши против всех тех жизней, которые его семья уничтожила в те далекие времена?

Мое задание было простым: выдать себя за Стража Весны, добраться до новой, неопытной Хранительницы Зимы и украсть амулет. Раз-два, ничего особенного. В тот момент я еще не подозревал, что Блум затронет мое сердце. Что она будет больше, чем просто сезонная девушка, которую можно подвести под одну гребенку с другими предателями из ее мира. Когда Уилл и Элия рассказали мне о планируемом похищении, я, увидев ее снова, испытал почти облегчение. Мне было любопытно посмотреть на девушку, которая во время бала оказалась так непохожей на ту, которую я себе представлял. Я захотел убедить ее. Уже в тот вечер, в парке, я не собирался принуждать ее к ритуалу перехода. Я хотел убедить ее помочь нам добровольно. Остальные были не в восторге от этого. Вначале у меня еще получалось успешно противостоять им, убеждать их дать мне больше времени, но чем больше дней проходило, тем сильнее я убеждался в том, что наше сотрудничество будет краткосрочным. Группа Джозефа никогда не скрывала, что ради достижения своих целей они готовы идти по трупам и не остановятся ни перед чем. После того как Элия и Уилл напали на Блум и украли Зимний кристалл, я окончательно понял, что мы больше не союзники. И испытал облегчение.

До сих пор хорошо помню свою единственную встречу с самим Джозефом, вскоре после побега Блум из квартиры в Осло. До этого в поисках Блум я несколько часов подряд бродил по улицам, обшаривал весь Осло, переворачивал каждый камень. От Анатолия я знала, что Уилл вернулся в город и наблюдал за нами. Тогда я до безумия испугался того, что он найдет Блум раньше меня и схватит ее. Когда на следующее утро я вернулся в квартиру, Джозеф уже был там, чтобы обсудить со мной создавшуюся ситуацию. Когда он сказал мне, что является отцом Блум, меня это даже не особенно шокировало. Уже тогда я испытывал к Блум чувства и хотел узнать ее получше. И все же она оставалась частью того мира, который я с детства научился ненавидеть. Тайные отношения, беременность и незаконнорожденные дети, на мой взгляд, вполне вписывались в эту картину.

Джозеф предложил мне сделку: он рассказывает мне, как попасть на остров незамеченным, в обмен на это я регулярно отчитываюсь перед ним и, когда настанет время, доставлю Блум. А пока я должен был завоевать доверие девушки, чтобы, как сказал Джозеф, сделать ее более покладистой.

Уже тогда у меня руки чесались врезать ему по лицу. Уверен, он рассказал мне о своем родстве с Блум только для того, чтобы убедить меня, что он не причинит девушке вреда, когда я доставлю ее ему. Но было совершенно очевидно, что он ее не знает: Блум не походила на других представителей сезонных семей. Она была по-прежнему верна своей семье, но я не мог ее в этом винить – в конце концов, это было все, что она когда-либо знала. Тем не менее она была хороша: я знал это с той секунды, когда впервые увидел ее в саду в Весеннем Дворе. Поэтому я согласился, заверив Джозефа в своих услугах, а взамен получил информацию, необходимую

мне, чтобы незаметно попасть на остров. Я знал, что Джозеф опасен. Но, правду сказать, следить за ним было гораздо проще, пока он считал, что мы – одна команда.

Я поднимаю взгляд и с ненавистью смотрю на Уилла. Возможно, какое-то время Джозеф действительно доверял мне. Уилл не доверял мне никогда. С самого начала у него были со мной проблемы, и он был прав. После рейда в Гетеборге, когда я предложил сопровождать его и других повстанцев в Калинойю, он решительно протестовал. Джозеф – нет. Я не питаю иллюзий, будто он хоть на секунду поверил, что я на его стороне. Даже слепой увидел бы те чувства, что я испытываю к Блум. Нет, Джозеф использовал меня – точно так же, как я использовал его. Он взял меня с собой, чтобы использовать против Блум, если понадобится. Я был его рычагом, средством давления, козырем в рукаве. Однако теперь никто из нас больше не притворяется, что мы – команда.

– У нас одна цель, – холодно бросает мне Уилл. – Это должно сделать нас союзниками.

– Ты что, правда в это веришь?

Уилл оценивающе смотрит в мою сторону:

– Просвети меня.

– Не все повстанцы готовы идти по трупам ради достижения нашей цели, – сердито напоминаю я. – По крайней мере, по трупам невинных людей.

– Среди них нет невинных.

Я качаю головой, игнорируя боль, вспыхивающую за лобной костью и в щеке.

– А что, если вы победите? – с вызовом спрашиваю я. – Вы сражаетесь за Ванитас, за его законное место в цикле и свою свободу. Но если вы действительно победите, то не наживете ничего, кроме врагов. Вами руководит психопат, готовый ради достижения своих целей столкнуть собственную дочь с обрыва. Что это будет за жизнь?

– Кто нас возглавит, не твоя проблема, Перик. Эти кости еще не брошены.

Заявление Уилла меня особо не удивляет. Эта группа повстанцев похожа на змей в яме, поэтому Джозефу не стоит удивляться, если в итоге предадут его самого. Но в данном случае я согласен с Уиллом – это точно не моя проблема.

– Знаешь, – продолжает Уилл, – я никогда тебе не доверял. Ну, может, только вначале, когда мы планировали украсть амулет. У тебя были принципы, и ты был весь такой из себя хороший соседский парень. Вполне возможно, именно поэтому Джозеф и выбрал тебя на роль двойного агента. Но когда ты вынес нам с Элией мозг из-за истории с кровью Калино, я сразу понял, что ты перевернулся на другую сторону. Я видел, как ты на нее смотрел.

Я просто молча плююсь на него. Понятия не имею, что Уилл хочет от меня услышать, потому что он прав. Получив приказ завоевать доверие Хранительницы и украсть у нее амулет, я не колебался ни минуты. С чего бы? Я считал ее избалованной девчонкой из Зимнего Дома и даже не испытывал угрызений совести. В конце концов, я делал все это ради благой цели.

Но в тот момент, да, в тот момент, когда Уилл и Элия попытались силой взять у Блум кровь, для меня все изменилось – раз и навсегда. С того момента я был на стороне Блум.

– Поэтому, когда ты лишь разок связался с Джозефом после того, как вы покинули остров, мне все стало абсолютно ясно, – продолжает размышлять Уилл, не обращая внимания на то, что его особо никто не слушает. – Но думаю, Джозеф просто не хотел отказываться от тебя. Не хотел отказываться от возможности, что это может быть так просто, понимаешь? Я говорил ему в Гетеборге, что нам не стоит брать тебя с собой в Зимний Двор, но он меня не послушал. И посмотри, что мы из этого получили.

Да уж, тут есть на что посмотреть. Я отправился с мятежниками на Калинойю, чтобы забрать Блум. Спасти ее и от повстанцев, и от ее собственной семьи, отвезти в безопасное место и убедить, что я ее не предавал. Устроить последнее представление, в последний раз станцевать под дудку Джозефа. Потому что одно мне было абсолютно ясно – в одиночку мне добраться до Калинойии живым и покинуть остров я не смогу. В прошлый раз, когда я застал Блум врас-

плох на скалах, ее семья не была так бдительна. Тогда никто не ожидал, что орда мятежников возьмет остров штурмом. Но ситуация изменилась. Так что мне нужна была защита группы – и я провалился по всем фронтам.

Блум все еще на острове, а мятежники ополчились против меня, как только мы покинули Калинойю после неудавшейся атаки. Я попытался убежать, скрыться в хаосе, но шансов не было. Последнее, что я помню, – это как я бежал в лес. Потом все вокруг почернело, и я очнулся уже в этом дерьмовом подвале. Это было три дня назад. С тех пор я сижу связанный в этой гребаной комнате и ничего не могу с этим поделать. Пока у меня нет перспективного плана, я не могу даже использовать свои силы, не рискуя тем, что они не лишат меня сознания. Тогда шанса сбежать у меня больше не будет.

– Не напрягайся, – искренне советую я Уиллу, борясь с вновь нарастающим головокружением. Плен и побои постепенно берут свое. Я бы с удовольствием проигнорировал Уилла, но если он ударит еще раз, меня, наверное, вырвет на собственные туфли. – Я понятия не имею, что сейчас с Блум. Мы больше не... Я не слышал о ней с тех пор, как вы взорвали дом в Гетеборге.

Уилл наклоняет голову, словно ищет правду на моем лице.

– А как же твоя сестра? И другая девушка? Они сбежали, и я уверен, что они вряд ли так просто приняли то, что ты исчез.

– Я не знаю, где они, – настаиваю я. Это не ложь. Кэт и Заре удалось сбежать, и Анатолию тоже. Но я не видел их с тех пор, как сдался и присоединился к Джозефу.

Глаза Уилла превращаются в узенькие щелочки.

– А значит, ты совершенно бесполезен. Ты это пытаешься мне сказать?

– Я знаю, что Джозеф предполагал, что, когда придет время, Элия сможет инициировать для него Ванитас, – измученно выдавливаю я.

Теперь уже никто не может точно определить, кто является законным Хранителем Ванитас. Правило о том, что задача Хранителя передается из поколения в поколение, в случае Ванитас неприменимо. Все, что у нас есть, – это догадки и расплывчатые предположения. Поскольку я – потомок первоначальной семьи Роша и обладаю явно выраженными способностями, я вполне могу считаться идеальным кандидатом на эту роль. Однако, хотя связь Элии с семьей Роша не была такой уж прямой, шанс, что он сможет взять на себя эту роль, все же был. Ключевое слово – «был».

– Но Элия мертв, – продолжаю я. – Блум убила его. Так что моя квалификация Хранителя – единственная причина, по которой я вообще до сих пор жив. Или нет?

– Там гуляет целая толпа членов Ванитас, – с демонстративной скукой отзывается Уилл. – Я почти уверен, что можно найти кого-то еще.

– Уилл, – говорю я, пытаюсь сосредоточиться. – Я знаю, что ты не хочешь оказаться комнатной собачкой Джозефа. Но если ему удастся инициировать Ванитас, то ты станешь всего лишь его правой рукой, не более.

Он ничуть не выглядит впечатленным, когда откидывает назад свои светлые волосы, прежде чем снова складывает руки на спинке стула.

– Это еще предстоит выяснить.

– Я могу помочь, – твердым голосом уверяю я его. – Ты ведешь себя так, будто мы по разные стороны, но так не должно быть. Я так же, как и вы, хочу вернуть Ванитас в мировой цикл. Отпусти меня, и я помогу тебе это сделать.

Смех Уилла звучит холодно, но в то же время в нем слышны веселые нотки.

– Ты хороший парень, Перик. Ты борешься за справедливость, свободу и прочую ерунду, от которой не получишь ничего, кроме собственного душевного спокойствия. Но мне этого недостаточно. Пришло время преподать урок этим большим шишкам в сезонных Домах и заставить их понять, что они не могут помыкать нами только потому, что им это выгодно.

Больше всего мне сейчас хочется закатить глаза. Я не очень хорошо знаю Уилла, но помню, что он из относительно бедной семьи. Этот парень из каких-то там дальних родственников Летнего Мастера. У него никогда не было ни пышного двора, ни балов, ни богатства, ни власти – все это предназначено для Мастера и его ближайших родственников, к которым Уилл, конечно же, не относится.

Отчасти разочарование Уилла мне понятно. Я сам вырос, зная, что на самом деле предназначен для большего и что Мастера Домов виноваты в том, что мне отказано в лучшей жизни. И часть меня хотела именно этого – преподать Мастерам урок и показать, что мы могущественнее, сильнее и умнее их.

А потом я познакомился с Блум. Одной из тех, кого я считал высокомерными, эгоцентричными, жаждущими власти чудовищами. Блум совсем не подходила под это описание, и я понял, что не могу винить сегодняшние сезонные семьи за ошибки их предков.

– Мы можем решить это мирным путем, – пробую я снова. – Мы можем...

– Ты ошибаешься, – перебивает меня Уилл и встает. – Слишком многие уже погибли – и с нашей стороны, и с их. Если ты действительно думаешь, что мы все соберемся за круглым столом и будем обсуждать наши чувства, то ты еще глупее, чем я думал.

– И что это значит?

– Ты начал эту войну вместе с нами, Перик. Может, теперь тебе открылась какая-то там мораль, но ты сам помог запустить этот процесс. И мы победим.

– Любой ценой? – рычу я.

Пару секунд он просто смотрит на меня, затем медленно кивает:

– Чего бы это ни стоило. Нам всем нечего терять.

Старые друзья

Блум

Когда в мою дверь стучат, звук эхом отдаётся в моей голове, подобно раскатам грома. Я сижу взаперти вот уже пять дней. Пять дней, которые кажутся годами. После разговора с дедушкой я ни разу ни с кем не говорила, ни с одной живой душой. Мою еду по-прежнему оставляют за дверью, но я не обращаю на неё никакого внимания. Сейчас они уже, должно быть, заметили, что подносы третий день возвращаются на кухню нетронутыми. Желудок урчит при одной мысли о еде, но я держусь. Возможно, конечно, это оттого, что я опустошила свою небольшую записочку со сладостями, которые хранила в своей комнате. Теперь нет и конфет.

Стук раздаётся снова. Сажусь на постели; сердце колотится так, что едва не выпрыгивает из груди, и почти тут же чувствую, как во мне пробуждается сила, когда вижу, что ручка двери медленно опускается вниз. Вот уже несколько дней никто не стучался в мою дверь, не говоря уже о том, чтобы открывать её. Меня держат здесь, пока не появится возможность использовать для ритуала перехода времен года. До тех пор у них нет причин иметь со мной дело.

Что, если они в самом деле нашли кристаллы и амулет? Это означало бы, что повстанцы проиграли. Что мой отец потерпел поражение, а Кево... Нет. Это невозможно.

Мое сердце бьётся все быстрее и быстрее и вдруг на секунду замирает, когда сквозь узкую щель протискивается фигура.

– Мэрта? – тихо спрашиваю я. Мой голос шершавый, как наждачная бумага, и мне приходится несколько раз прочистить горло. – Что ты здесь делаешь?

Вместо ответа наша экономка бросает на меня слегка раздражённый взгляд и свободной рукой закрывает за собой дверь. На ладони другой руки Мэрты покачивается поднос с несколькими тарелками, мисками и большим кувшином воды. Она ставит поднос на маленький комод, а затем подходит ко мне.

– Ты должна что-нибудь съесть, – говорит она раздражённо громким и четким голосом. – Твой дед не слишком доволен тем, что ты отправляешь свою еду обратно нетронутой.

Я в замешательстве прищуриваюсь. Может, это сон? Не удивлюсь, если при всем окружающем меня однообразии мой разум уже просто прибегает к таким ярким снам, чтобы хоть немного развлечься.

– Что ты здесь делаешь? – снова спрашиваю я, быстро подтягивая к себе колени, когда она садится на матрас в изножье моей кровати.

Мэрта оглядывает меня с головы до ног, и её брови поднимаются все выше и выше, пока почти не исчезают за линией роста волос. Её всегда плотно сжатые губы сжимаются ещё больше, и она медленно качает головой, отчего становится похожей на разочарованную бабушку.

– Что ты с собой делаешь, Снуппи?

Я с шипением втягиваю в себя воздух. При одном только звуке моего детского прозвища на глаза наворачиваются слезы. Быстро моргаю, но остановить их уже не могу – и в следующую секунду они уже бегут по моим щекам. Мэрта – одна из многих сотрудниц Зимнего Двора, но для меня она всегда была кем-то вроде члена семьи. Когда моя мама была слишком занята, а другие дети во Дворе вели себя по отношению ко мне слишком злобно и подло, рядом со мной была Мэрта – делала мне пудинг или давала работу по дому, чтобы чем-то меня занять. Вместе с моей матерью она была тем человеком, который чаще всего источал тепло и окружал меня им в этом доме.

Взгляд Мэрты смягчается, и в следующий момент она простирает руки и притягивает меня к себе. Я тихо всхлипываю, но позволяю ей это сделать. Во мне будто что-то ломается. Что-то такое, что будто только и ждало, когда меня обнимут и будут держать в этих объятиях какое-то время. Мэрта придвигается ко мне чуть ближе, и я прижимаюсь к ее груди и закрываю глаза, чтобы больше не видеть комнату, ставшую моей темницей.

Она слегка покачивает меня в объятиях и бормочет что-то, чего я не могу понять. В моем сознании возникают образы моей мамы, Кево, Кэт, Зары и Эммы. Образы всех тех людей, которых я успела потерять за такое короткое время и которых я всегда принимала как должное. Я бы все отдала, чтобы встретиться с Эммой в «Старбаксе» и обсудить все то дерьмо, которое сейчас происходит в моей жизни. Я скучаю по ней, и одна мысль о том, как она беспокоится обо мне, заставляет мое сердце болезненно сжиматься.

– Что... что ты... здесь делаешь? – спрашиваю я, всхлипывая, когда Мэрта медленно отпускает меня и снова окидывает пристальным взглядом.

Она снова качает головой:

– Один из нас должен был проведать тебя. Проверить, жива ли ты. Я смогла убедить их, чтобы мне дали проведать тебя, чтобы ты не причинила себе никакого вреда.

Я резко отступаю от нее и вытираю глаза тыльной стороной ладони.

– Как видишь, я все еще здесь. Я в порядке.

– Ты не в порядке, девочка.

Безрадостный смех срывается с моих губ.

– Что ж, ты права. Я чувствую себя просто дерьмово, но моего деда это вряд ли волнует. Ведь это его вина.

Какое-то время Мэрта молча смотрит на меня, так долго, что мне становится не по себе. Затем она тихо вздыхает и кладет свою руку на мою:

– Мне жаль твою мать, Блум. Я очень ее любила.

Слезы снова горят в моих глазах, но на этот раз мне удается сдержаться. Я убираю руку и отодвигаюсь к изголовью, чтобы увеличить расстояние между собой и Мэрттой.

– Да, я тоже очень сожалею об этом.

Кажется, она понимает намек, потому что выпрямляется, указывая на нагруженный едой поднос, стоящий на комод:

– Почему ты не ешь?

– А зачем? Не хочу, чтобы меня кормили, как свинью на убой.

– Ты драматизируешь, – замечает Мэрта, снова качая головой. – Ты ничего не добьешься, если будешь морить себя голодом. Ты только теряешь силы и энергию, которые нужны тебе для других дел.

– Вот как? – насмешливо фыркаю я. – И каких же? Смотреть фильмы? Или пялиться в стену? Я не смогу отсюда выйти, Мэрта. Ты знаешь это так же хорошо, как и я. Я явно в меньшинстве и не могу просто сбежать или сразиться со всеми сразу. Но деду я нужна живой, желательно – сильной и здоровой. Голодание, наверное, единственный способ заставить его занервничать.

Мэрта снова разглядывает меня, на этот раз, правда, как-то более испытующе, чем до этого. Будто взвешивает что-то в своей голове, но я понятия не имею, что именно. Мэрта всегда была какой-то загадочной. С одной стороны, преданная сотрудница моего деда, с другой стороны, она постоянно нарушала его правила. Она, например, с самого начала отказалась называть меня на «вы». А в детстве оставляла меня играть на кухне и читала мне вслух, хотя ожидалось, что она должна сохранять вежливую дистанцию по отношению к семье Мастера.

– И что ты собираешься делать? – наконец спрашивает она, бросая быстрый взгляд на дверь, будто желая убедиться, что та все еще заперта. – Каков твой план?

– Даже если бы он у меня был, – честно отвечаю я, – зачем мне рассказывать его тебе?

– Я не хочу знать, в чем состоит твой план, – не моргнув глазом уточняет она. – Я хочу знать, сдалась ты или нет. У нас мало времени, Блум, и я не хочу тратить его на то, чтобы смотреть, как ты хандришь.

Я в замешательстве встряхиваю головой:

– О чем ты?

– Ты сдалась? – повторяет она, на этот раз более настойчиво. – Спасовала перед своим дедом? Утратила боевой дух?

Я отвечаю не сразу, в основном потому, что пытаюсь найти смысл в ее словах. Вполне возможно, что Мэрта пришла, чтобы что-то выведать у меня. Чтобы узнать, может, им уже удалось меня сломить? Но почему это должно меня волновать? Даже если она – шпионка моего деда, пусть он услышит то, что я хочу сказать.

Не сводя с нее глаз, я сажусь чуть прямее и скрещиваю руки на груди:

– Мой дед запер и бросил меня здесь в тот самый день, когда умерла моя мама. Он лгал мне всю жизнь и вступил в жестокую борьбу с людьми, которые не требуют ничего, кроме своих гребаных прав.

– Да, – просто говорит она.

– Так какого черта я должна подчиняться ему, вставать на его сторону?

– Хорошо.

Когда она лезет в карман своего кардигана, во мне автоматически нарастает сила, руки и ноги начинают покалывать. Я не думаю, наверное, что Мэрта просто вытащит пистолет и застрелит меня, но прошлое уже убедительно доказало мне, насколько плохо я разбираюсь в людях.

Но то, что Мэрта кладет на покрывало рядом с моей ногой, совсем не похоже на пистолет. Это мобильный телефон.

Я пару раз моргаю, глядя на маленький узкий прямоугольник, выделяющийся на нежно-розовом покрывале. Точно, смартфон.

– Что это? – спрашиваю я, подавляя слегка истерический смешок. – Ты телефон себе новый купила? Нужна помощь в настройке?

Она поджимает губы, явно не в восторге от того, что я шучу в данной ситуации.

– Это тебе.

Рефлекторно протягиваю руку, но затем замираю в воздухе.

– Ты помогаешь мне?

Слабая улыбка трогает ее губы, но исчезает так же быстро, как и появилась. Мэрта снова смотрит на дверь, которая по-прежнему закрыта.

– Я помогаю тебе с тех пор, когда ты лежала, завернутая в пеленки, Снуппи.

– Я имею в виду... – Я замолкаю и трясую головой, чтобы прояснить мысли. – Я ценю это, правда, но понятия не имею, что делать с мобильным телефоном. Я не знаю наизусть ни одного номера, который мог бы мне помочь.

Ни Кево, ни Кэт, ни Зары, ни даже Эммы. Даже если в этом телефоне есть мобильные данные, максимум, что я могу сделать, – это попробовать связаться с Эммой через аккаунт в социальной сети. Но, честно говоря, я понятия не имею, сможет ли вообще Эмма помочь мне в моей ситуации. В мире Сезонов полиция не обладает такой властью, как в обычном обществе. Даже спецназ не идет ни в какое сравнение с членами сезонных Домов, которые сейчас расположились в Зимнем Дворе и сделают все возможное, чтобы удержать меня здесь. К тому же мне совсем не хочется подвергать Эмму ненужной опасности.

Мэрта тычет в дисплей пальцем:

– Сестра мятежника занесла в него свой номер. Ты должна связаться с ней, как только телефон окажется у тебя.

Моя челюсть уже, наверное, где-то на полу.

– Ты говорила с Кэт?

– У тебя слишком много вопросов и слишком мало времени.

– Мэрта, прошу тебя...

– Я говорила с одним нашим общим другом. – Она поднимает бровь. – Помнишь Матео? Совершенно шокированная, я смотрю на нее во все глаза.

– Я думала, что... я... то есть он предал меня, и я подумала...

Я подумала, что Матео на стороне плохих парней. Тогда, после того как мне пришлось бежать от Кево и его товарищей в парке, Матео накачал меня запрещенными веществами и передал повстанцам. Это было до того, как я узнала обо всех секретах и заговорах. В то время Матео был моим водителем и телохранителем, и я была уверена, что, помимо этого, он был мне кем-то вроде друга. Пока не предал меня.

– У Матео не было плохих намерений, – объясняет Мэрта, которая, очевидно, прочитала мои мысли. – Он действовал немного неуклюже, но к плохим парням он отношения не имеет. Мой мозг вот-вот взорвется. Не удивлюсь, если из головы уже струится дымок.

– А ты? – через пару секунд спрашиваю я. – Как во все это ввязалась ты?

Она мягко улыбается мне:

– Твоя мама когда-нибудь говорила тебе, какие у меня способности?

В замешательстве качаю головой. Насколько я помню, мама никогда не говорила о Мэрте. Честно говоря, я всегда предполагала, что у Мэрты вообще не было никаких активных сил, по крайней мере таких, о которых стоило бы упоминать. Зимний Дом – самый скучный Дом по сравнению с остальными: если бы сезонные семьи были клубом, мы были бы казначеями и секретарями. Наша магия по своей природе преимущественно пассивна. Но, конечно, есть и несколько особенно сильных членов Зимнего Дома, обладающих активными способностями.

Мой дедушка, например, один из них. Он обнаруживает особенно интенсивные силовые линии и может отражать атаки, создавая вокруг себя своего рода защитное пространство. Я ощутила это на собственном опыте, когда попыталась использовать свои силы, чтобы заставить его поговорить со мной вскоре после Бала Времен Года, на котором Кево украл у меня амулет.

Я тоже не исключение. Мать была представительницей Зимнего Дома, отец – Осеннего. Это означает, что я ношу в себе комбинацию их способностей. Осень истощает жизненную энергию, заставляет живые существа и растения стареть быстрее. Но сама Осень от этого ничего не выигрывает. Зима же способна распознавать энергии, направлять их. Эти две силы в сочетании обеспечивают мне возможность вытягивать энергию практически из всего, чего угодно, и тем самым увеличивать свои силы, ослабляя противников.

– Я не удивлена, – говорит Мэрта, прерывая мои раздумья. – Твоя мама никогда не хотела меня слушать. Она была такой же упрямой, как и ты, но страха в ней было больше.

Мне хотелось бы возразить, но я знаю, что Мэрта права. Моя мама всегда боялась, даже в ту ночь, когда повстанцы ворвались на наш остров. И все равно отказалась покинуть меня и спрятаться в катакомбах. В ту ночь она была храброй, и это стоило ей жизни.

– Почему она должна была тебя слушать? – с напряжением в голосе спрашиваю я. – И какое это имеет отношение к твоим способностям и мобильному телефону?

Мэрта нетерпеливо вздыхает. Если она действительно пришла сюда затем, чтобы выяснить, что за проблемы у меня с едой, у нас, вероятно, не так много времени, прежде чем станет очевидно, что она находится в моей комнате слишком долго.

Виновато поджав губы, я жестом прошу ее продолжать.

– Я могу предсказывать, – говорит она и смеется, когда я хмурюсь. – Знаю, как это звучит. Все не так просто, но время от времени я вижу путь, который человек собирается пройти. И прежде всего – конец этого пути.

В голове у меня зарождается мрачное предчувствие, но я игнорирую его.

– Что ты имеешь в виду?

– Когда тебе было годика три, я поняла, что твой жизненный путь не будет гладким, – объясняет она с остекленевшим взглядом. – И я имею в виду не обычные проблемы, с которыми приходится сталкиваться всем нам. Это нечто большее. То, что выйдет за рамки твоей собственной жизни. Я увидела смерть, горе и боль. Я увидела Осень. И сразу же рассказала об этом твоей матери.

Она увидела Осень. Моего отца. До недавнего времени я понятия не имела, что мой отец – представитель Осеннего Двора. Отношения между Домами запрещены, поэтому мама всегда говорила мне, что мой отец был посторонним, совершенно обычным человеком, который исчез в тот самый момент, когда узнал обо мне. А у меня не было совершенно никаких причин сомневаться в ее рассказах, пока не проявились мои осенние способности, пока я не подслушала Кево в Гетеборге и, наконец, пока Джозеф не возник собственной персоной.

– Что это значит? – спрашиваю я, потирая ладонью лоб, чтобы прогнать головную боль, которая постепенно начинает пульсировать внутри моей черепной коробки. – Ты знала обо всем этом? И мама тоже?

Она качает головой:

– Нет, не знала. Я видела только связь с Осенью и то, что тебе предстоит выполнить какую-то важную задачу. Возможно, это было слишком туманно, чтобы твоя мама восприняла меня всерьез и захотела поговорить со мной откровенно. А может, она просто боялась последствий, которые могут принести с собой твоё происхождение и предназначение. Если бы тогда она открыла то, что твой отец – член Осеннего Дома, ты, полагаю, выросла бы под наблюдением. Как подопытный кролик. Ты брала бы частные уроки и, возможно, даже с самого начала получила бы право на роль Хранительницы. Но она не хотела этого для тебя. Иногда легче игнорировать ситуацию и надеяться на лучшее, чем смотреть правде в глаза.

Я фыркаю. Возможно, многое сложилось бы иначе, если бы мама хоть на мгновение задумалась о том, к чему приведут все ее секреты и ложь.

– Поэтому я присматривала за тобой, – продолжает Мэрта, хотя я совсем не уверена, что хочу услышать ее рассказ. – И Матео тоже. После смерти Сандера я пыталась тебе помочь, но мои ресурсы были ограничены. И время тоже. Поэтому Матео связался с повстанцами, чтобы убедиться, что ты узнаешь всю историю. А не только ту часть, которую готов рассказать твой дед.

– Он добровольно сотрудничал с повстанцами? – пораженно спрашиваю я. – Он с самого начала знал о повстанцах и о том, что они хотят меня похитить?

– Не совсем. Он знал, что они связались с тобой, и помог, когда ты сбежала. Все это не было грандиозным заговором, просто... просто небольшой толчок в правильном направлении.

Совершенно ошарашенная, я смотрю на нее. Милая пожилая леди, которая готовила мне пудинг и шлепала меня по рукам, когда мне хотелось съесть десерт перед ужином, помогла кучке повстанцев похитить меня? Ух ты!

Мэрта, должно быть, прочитала все мои чувства на лице, потому что, извиняясь, пожимает плечами.

– Я надеялась, что повстанцы смогут убедить тебя инициировать Ванитас. Тогда твоя задача была бы выполнена и ты была бы вне линии огня.

– Но я отказалась, – тихо говорю я. – А потом амулет был украден.

– Да. Когда ты вернулась, я хотела с тобой поговорить. Но ты сбежала с мятежником, и я уже ничего не могла сделать.

– И вот мы здесь. – Я тихо вздыхаю. В самом деле, оглядываясь назад, было бы гораздо проще, если бы я сразу помогла повстанцам провести ритуал. Очень многие люди остались бы живы. Моя мама была бы жива. – Почему ты просто не сказала мне? В тот день, когда я спросила тебя о Ванитас? Ты могла бы просто сказать мне правду.

Она поднимает брови и качает головой:

– Я обещаю, что расскажу тебе обо всем подробно, когда все это закончится и у нас будет больше времени, хорошо? Но если бы я слишком рано огорошила тебя всей этой информацией, ты, скорее всего, не поверила бы мне, а в худшем случае выдала бы меня своему деду. Я не могла так рисковать.

– Так Матео помог тебе и на этот раз? – спрашиваю я, указывая на смартфон, который все еще лежит между нами. – Он нашел Кэт и дал тебе телефон?

– Что-то в этом роде, – неопределенно отвечает она. – Все, что имеет значение, – это то, что мобильник у тебя. И спрячь его хорошенько, чтобы никто не нашел. Это твой единственный шанс выбраться отсюда. В бою мои навыки тебе вряд ли помогут, а Матео вернуться не может.

На обратной стороне – маленький листочек с написанными на нем шестью цифрами – вероятно, кодом разблокировки. Я обхватываю мобильный телефон руками и прижимаю его к груди, словно это самое большое сокровище.

Мэрта еще несколько секунд смотрит на меня, потом со вздохом встает. Я почти вижу боль на лице этой женщины, когда ее взгляд блуждает по моей комнате и по кучкам грязного белья, валяющимся на полу. Уверена, ей хочется кое-что сказать по этому поводу. Но Мэрта сдерживается и медленно направляется к двери.

Поравнявшись с комодом, на котором стоит поднос, она снова поворачивается ко мне:

– Поешь. У тебя есть шанс, Снуппи. Но только если будешь поддерживать свои силы.

Я лишь киваю, хотя хочется подскочить к ней и стиснуть в объятиях. Умолять остаться со мной в комнате. Возможно, я испытываю смешанные чувства по поводу ее роли в похищении меня мятежниками, и тем не менее в данный момент Мэрта – мой самый любимый человек на многие мили вокруг.

Когда она отворачивается от меня и тянется к дверной ручке, мне приходит на ум кое-что еще.

– Мэрта? – шепчу я.

Она оглядывается через плечо, прикладывает палец к губам.

– Что ты видишь сейчас? – шепчу я, хотя и страшусь ответа. – Когда ты заглядываешь в мое будущее, что ты видишь сейчас?

Странное выражение мелькает на ее лице, но прежде чем я успеваю его истолковать, оно исчезает. Когда Мэрта улыбается, ее улыбка полна грусти.

– Я не вижу ничего.

– Ничего?

– Твое будущее исчезло, Блум. Все, что я могла видеть, просто испарилось.

Выходи меня искать

Слова Мэрты проносятся в моей голове, как бесплотное эхо. Снова и снова мои губы беззвучно шепчут эти слова, пытаюсь найти в них хоть что-то позитивное. Но шансов нет. Тот факт, что моего будущего явно не существует, говорит сам за себя. И хотя я понимаю, что вся эта история с ясновидением – довольно неточное дело, не очень-то обнадеживает, когда тебе предсказывают твою собственную смерть.

Хотя пустота в моем будущем необязательно означает мою смерть. Может быть, она ознаменует конец света, который сейчас как раз в самом разгаре. Не сказать, правда, чтобы это улучшало ситуацию.

Решительно отгоняю эти мысли и встаю с постели, недолго борясь с головокружением, охватывающим меня при малейшем движении: таков раздражающий побочный эффект моей маленькой голодовки. Как только перед глазами проясняется, подхожу к подносу и беру кусок багета, ем, откусывая небольшие кусочки. Мэрта права: если я хочу что-то предпринять, мне нужны мои силы.

Опустошив полкувшина воды, я хватаю с кровати мобильник и сажусь на небольшой выступ перед окном, на котором я читала в детстве. Включаю телефон и задерживаю дыхание. Когда раздается тихий сигнал, мой взгляд устремляется к двери, но ничего не происходит. Сердце колотится, я отключаю все звуки мультимедиа и оповещения, даже отключаю вибрацию.

Затем дрожащими пальцами нажимаю на значок WhatsApp с красной цифрой 1. В животе растекается возбужденное покалывание. Однако, когда открываю чат, вместо текста отображается голосовое сообщение. Серьезно? Кэт, зная, что я так или иначе в плену, посылает мне голосовое сообщение? А что, если мне приходится вести себя тихо, если меня прослушивают?

Слегка нервничая, я встаю и быстро роюсь в ящике стола в поисках наушников, затем снова сажусь на подоконник, вставляю наушники в уши и нажимаю «прослушать».

«Зимняя девушка! – раздается голос Кэт с таким сильным ирландским акцентом, что я с трудом разбираю, что она говорит. – До нас дошло, что ты в затруднительном положении. Понятия не имею, что ты сейчас обо всем этом думаешь и кем нас считаешь, но, думаю, небольшая помощь тебе не помешает. Если телефон у тебя, свяжись с нами. Ты можешь позвонить мне по этому номеру».

Когда раздается тихий щелчок, я в замешательстве смотрю на сообщение, пока не понимаю, что оно закончилось. Вот и все. Ни объяснений, ни полного драматизма плана, ничего.

Хмурясь, пялюсь на дисплей. Мысли в голове бешено скачут. Что, если это ловушка? Что, если Кэт и остальные снова пытаются заставить меня довериться им? Только для того, чтобы потом в очередной раз меня предать.

Исключать этого нельзя. В своей наивности я однажды уже доверилась Кево и поплатилась за это. За последние недели почти все вокруг меня оказались лжецами – поэтому слепо доверять Кэт было бы глупо.

Впрочем, я мало что теряю. Если Кэт поможет мне сбежать только для того, чтобы потом предать и выдать Джозефу и его людям, это будет все равно лучше, чем сейчас. Сидеть запертой в своей чертовой комнате и ничего не делать, только ждать, определенно хуже, чем иметь дело с повстанцами. По крайней мере, надеюсь.

Мой палец висит над дисплеем. Меня слегка трясет. Понятия не имею, какова звукоизоляция в этой комнате и слышат ли меня парни снаружи. Мэрта во время своего визита, похоже, не придавала этому значения. Но, возможно, она отослала моих охранников на время, чтобы иметь возможность поговорить со мной без помех. Даже если это действительно так, не

сомневаюсь, что они уже вернулись на свои посты. И я не могу выйти и спросить, слышат ли они меня, когда я говорю по телефону.

Помедлив еще некоторое время, набираю сообщение:

Телефон у меня. Что дальше?

Снова и снова перечитываю эти несколько слов, удаляю и вновь набираю. Понятия не имею, как вести такие переговоры, но почему-то это короткое предложение кажется мне слишком незначительным. Тем не менее я все-таки нажимаю «отправить», потому что не знаю, как лучше сформулировать свой вопрос.

Несколько минут я сижу, уставившись на экран, затем решительно кладу телефон на подушку рядом с собой и обхватываю руками ноги, чтобы не отправить еще десяток сообщений. Перевожу взгляд на заснеженный пейзаж за окном, прижимаюсь лбом к холодному стеклу. На улице, как и все последние несколько дней, идет снег. Природа полностью вышла из-под контроля. Если так будет продолжаться, то вскоре нас полностью занесет снегом, и даже если мы в конце концов иницируем весну, у нее просто не будет шансов.

Я по-прежнему слишком мало знаю обо всем этом, чтобы предвидеть все последствия этой войны. Уже почти май, а это значит, что весна запоздала почти на месяц. Природа – тонкая система, которая явно не очень хорошо справляется с отклонением от привычного цикла. Повстанцы вывели все из равновесия, украв амулет времен года и Зимний кристалл, необходимые для смены сезонов. Зима не смогла завершиться, и теперь природа реагирует единственным возможным способом: хаосом. Во время моего побега из Гетеборга я видела разрушенные и уничтоженные бурями и снегом города. Даже Нью-Йорк погребен под слоем льда, люди замерзают на улицах и в своих машинах. Зима окутывает мир смертоносной пеленой, и никто точно не знает, на что она способна еще.

Поэтому нам необходимо как можно скорее закончить зиму. Хотя я понятия не имею, что будет потом. И как нам вообще это сделать. На данный момент есть два варианта: либо мятежники побеждают и мы позволяем возродить Ванитас – пятый сезон, который по изначальному циклу царит в промежутке между зимой и весной, либо сезонным Домам удастся заполучить Зимний кристалл, и они заставляют меня завершить смену сезонов с зимы на весну. Наступает весна, а Ванитас мы снова пропускаем.

Но независимо от того, каким образом мы в конечном итоге завершим зиму, все, кажется, настолько вышло из-под контроля, что мне трудно представить, как после этого жизнь вернется в нормальное русло. Сразу потеплеет? В один миг исчезнет весь снег, бури и метели прекратятся, а мы сделаем вид, что ничего не произошло? Или шар уже катится и у нас нет шансов остановить то, что мы спровоцировали?

Не особо обнадеживающая мысль, но, честно говоря, лучшего мы и не заслужили. Сезонные Дома уничтожили семью Роша и разделили дни Ванитас между собой. По той простой причине, что просто хотели власти. В конце концов, силы Домов наиболее могущественны в их собственное время года.

Так что мои предки и предки других сезонных Домов сознательно пошли на риск возможного конца света. Даже если он и не наступил, поскольку Ванитас – сезон для людей. Он был создан для размышления и осознания того, что никто из нас не всемогущ. Поэтому последствия для природы не были столь повсеместны, и все же они были.

Однако сейчас природа фактически вышла из-под контроля: мир буквально рушится. Но это, похоже, никого особенно не волнует. Чтобы предотвратить наступление Ванитас, сезонные семьи мирятся даже с затяжной зимой. Да и повстанцы скорее будут придерживаться своего плана, чем сдадутся и спасут мир. Никто не хочет выглядеть неудачником, даже если это означает, что все погибнет.

Взгляд останавливается на крупной птице, которая садится на дерево неподалеку и начинает перебирать клювом перья. Банально и звучит как клише, но в этот момент я завидую ее способности летать. Я бы отдала все, чтобы иметь возможность просто расправить крылья и улететь – подальше от драм, от семьи, даже от повстанцев. Я бы взяла Зимний кристалл и кристалл Ванитас, быстро инициировала Ванитас с помощью Кево, а затем улетела далеко-далеко. Куда-нибудь, где тепло. Может, с Эммой, а может, просто в одиночестве. Туда, где меня никто не знает и где никому нет никакого дела до смены времен года и всего, что с этим связано.

Я снова беру телефон и открываю в браузере Instagram¹. Понятия не имею, насколько стабильно интернет-соединение, и не хочу расходовать мобильные данные, устанавливая приложение, которое не является жизненно необходимым. Как только вхожу в свой аккаунт, появляется, как и ожидалось, несколько непрочитанных сообщений. Мне написали несколько школьных друзей, но большинство сообщений – от Эммы. При виде ее имени и маленькой фотографии профиля мое сердце болезненно сжимается. Понятия не имею, когда я увижу Эмму снова и случится ли это вообще. И тем более не знаю, как ей все это объяснить. Не связываться с ней нечестно, но и рассказывать всю правду – тоже. Она не может мне помочь, и даже если бы могла, мне бы этого не хотелось. Я убедилась на собственном опыте, насколько разрушительным может быть мой мир, и не собираюсь втягивать в это свою лучшую подругу.

Нерешительно открываю переписку с Эммой и просматриваю непрочитанные сообщения, в которых она спрашивает меня, где я, почему больше не прихожу в школу и что не так с моим мобильным телефоном. Все ли со мной в порядке. Некоторые из сообщений отправлены еще тогда, когда я находилась в плену у повстанцев в Осло, другие – новые. Последнему из них всего несколько часов. Видно, что она беспокоится.

Решившись, я нажимаю на окошко ввода и пишу короткий текст:

У меня все нормально! Сейчас не могу всего объяснить, но прошу тебя, не волнуйся. Нам с семьей нужно уладить кое-какие дела, потом я с тобой свяжусь. Обещаю! Люблю тебя!

Я перечитываю текст несколько раз, и с каждым разом он кажется мне все более глупым. Но я все равно отправляю сообщение и поспешно закрываю чат, после чего снова откладываю мобильник в сторону. Не хочу видеть, как Эмма читает это, не хочу видеть ее ответ. Я не могу сказать подруге ничего, что могло бы ее успокоить, не солгав ей. А этого она не заслуживает.

Когда снаружи среди полнейшей белизны я замечаю какое-то движение, то слегка выпрямляюсь, чтобы лучше видеть со своего места. Смутно различаю двух мужчин, идущих через двор в толстых анораках и меховых шапках на головах. Не могу сказать, кто они, что неудивительно, учитывая их одежду. Они явно вышли из дома и держат в руках что-то, что с первого взгляда я не могу определить. И только когда они сворачивают на узкую тропинку к лесу, я понимаю, что это такое.

Лопаты. У каждого из них с собой лопата, и они направляются на семейное кладбище.

Осознание хлещет меня наотмашь, как пощечина, и этот удар настолько силен, что на мгновение перехватывает дыхание. Почему я не подумала об этом раньше? Моя мама, она... ее нужно похоронить. Когда я вернулась в холл в ночь нападения, ее тела там уже не было. Они забрали его, но я ни на секунду не задумалась о том, что должны состояться похороны. Но если меня заперли здесь, значит, мне могут вообще не разрешить присутствовать на похоронах мамы.

Гнев жарко вспыхивает у меня внутри, когда я вытягиваю шею, пытаюсь проследить за мужчинами, исчезающими среди голых деревьев. Они не несут с собой ни гроба, ни даже урны. Либо мою маму уже похоронили, либо это произойдет в ближайшие несколько дней. Всхлип

¹ Деятельность социальной сети Instagram запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности (согласно ст. 4 Закона РФ «О средствах массовой информации»).

срывается с моих губ, но я крепко сжимаю их, не позволяя себе этой слабости. Понятия не имею, почему я так зацикливаюсь на этой мысли – моя мама мертва. Это дерьмово и больно, но похороны не сделают ситуацию ни лучше, ни легче.

Однако мой дед не имеет права отказывать мне в этом прощении. Она была моей мамой, и я отомстила за ее смерть.

Дрожащими пальцами беру мобильный телефон и проверяю сообщения. И снова мое сердце замирает, едва я обнаруживаю маленький символ WhatsApp в верхней части экрана. Быстрым свайпом разблокирую смартфон и открываю единственный чат, который отображается на экране. На этот раз это не голосовое сообщение.

Докажи, что это ты.

Что-что? Я перечитываю текст еще раз, и тут до меня доходит. Судя по всему, Кэт такой же параноик, как и я, что, как ни странно, успокаивает. Задумываюсь на мгновение, затем набираю ответ и поспешно отсылаю его.

По какой-то непонятной мне причине ты равнодушна к Заре. И не отрицай этого, Кэт.

Смотрю на чат и вижу, что две галочки почти сразу становятся синими. Проходит всего несколько секунд, затем под номером появляется уведомление о том, что Кэт набирает ответ.

Думаю, у нас есть более насущные проблемы, чем моя личная жизнь, Зимняя девушка.

Ты хотела доказательств.

Ты одна?

Я всегда одна. Кстати, спасибо за телефон. Но ПИН-код 1-2-3-4-5-6 – это как-то простовато, тебе не кажется?

Слышишь мой вздох?

Я усмехаюсь, хоть и против воли. Кэт абсолютно права – сейчас действительно неподходящий момент для шуток, и у нас в самом деле есть более насущные проблемы. Но мне кажется, что в последние несколько дней я только и делала, что думала о своих проблемах. Хочется хотя бы небольших перемен.

Ты выходишь оттуда?

Я едва не хохочу во весь голос, но беру себя в руки. Нелепый вопрос: можно подумать, я бы до сих пор сидела здесь, если бы у меня был шанс сбежать.

Нет. Я не могу пройти мимо них всех. И покинуть остров тоже.

Мы так и думали. Но мы что-нибудь придумаем, да? Теперь мы можем писать друг другу, это уже хорошо. Будет легче планировать.

Руки начинают покалывать, но я не могу понять, то ли это во мне поднимается сила, то ли сказывается простое человеческое возбуждение. Сообщения Кэт звучат так решительно, что даже у меня появляется слабая надежда на свет в конце туннеля. Но потом я снова осматриваю свою комнату, и надежда испаряется. Какими бы продвинутыми ни были планы Кэт, на

Калинойю никому из них не попасть. После нападения повстанцев весь остров находится под охраной, и ни одна лодка не сможет причалить сюда незамеченной. Плюс охранники у моей двери и все члены Зимнего Двора, которые бродят по территории.

Так что у Кэт нет никаких шансов, особенно если учесть, что она совершенно здесь не ориентируется. И даже если она каким-то образом сумеет проникнуть ко мне, я здесь как на ладони – в конце концов, я Хранительница – отступница. Я и спасение, и разрушение. У меня нет абсолютно никакой возможности пройти мимо всех здешних людей незамеченной, не говоря уже о том, чтобы сразиться со всеми ними сразу и победить.

Разблокирую экран, который уже успел потухнуть, и пишу:

Зара с тобой?

Да, она здесь.

На языке вертится еще одно имя, но я не могу заставить себя спросить о нем. Если честно, я часто задавалась вопросом, почему со мной связалась именно Кэт. Может, они думают, что ему я не отвечу. В чем они, возможно, даже правы.

Я замечаю новое сообщение и морщусь, когда читаю его. Очевидно, Кэт прочитала мои мысли. Это действительно возможно, но я не думаю, что ее способность заглядывать мне в голову работает на таком расстоянии.

Кево здесь нет.

Вот как?

Ответ Кэт набирает довольно долго. Так долго, что я начинаю нервничать.

Мы ничего не слышали о нем с тех пор, как повстанцы побывали у вас. Один мой друг сообщил, что мятежники схватили его, потому что он помог тебе. Это правда?

Мое сердце делает в груди несколько кульбитов. Не знаю, хорошо это или плохо. Во мне бушует столько чувств и мыслей, что мне трудно их классифицировать. Моя ненавидящая, злобная сторона немного радуется тому, что Кево, очевидно, был предан и захвачен своими же людьми. Так ему и надо.

С другой стороны... Неужели я действительно хочу, чтобы с Кево что-то случилось? Я знаю его, и мне известно, насколько он силен. И я знаю повстанцев, плохих повстанцев. Если им удалось одолеть его и удерживать против его воли, значит, он в плохой форме. Может быть, он ранен. Может быть...

Нет. Я качаю головой и отказываюсь закончить мысль. Я зла и обижена, и часть меня хочет ненавидеть его... но не может. Кево не раз спасал мне жизнь, и я просто не могу забыть поцелуй и его обещание.

Сердито фыркаю, понимая, что повстанцы, возможно, преследуют какой-то план. Они предполагают, что я попытаюсь освободить Кево и таким образом попаду в их ловушку. Ну, если они действительно задумали что-то подобное, то явно не приняли в расчет мою семью. Даже если я захочу, в моем нынешнем положении сделать что-либо для Кево у меня нет совершенно никакой возможности.

Я снова разблокирую экран и замечаю, что у меня есть три непрочитанных сообщения.

Ты видела его на острове?

Блум?

?

Ого, кто-то у нас тут очень нетерпеливый. Торопливо набираю ответ, пока Кэт не начала атаковать меня сообщениями.

Да, он был здесь. Ушел с повстанцами. Это все, что я знаю.

На этот раз ответа приходится ждать несколько минут. Интересно, где Кэт сейчас? Что она делает? Она явно встречается с Зарой, но как насчет остальных? С Анатолием, который был с нами в Гетеборге, или с другими повстанцами, которые на их стороне? Они в какой-то квартире? В каком-то доме или такой квартире, как в Осло и Гетеборге?

Или, может быть, это всего лишь какая-то невероятно наглая уловка и они сидят в укрытии повстанцев с Кево и моим отцом, смеясь над моей глупостью.

Пусть. Переписываясь с ними, я ничего не теряю. Пусть расскажут мне о своем плане, может, они действительно смогут быть мне полезны. А если нет, я выброшу этот чертов телефон в унитаз.

О'кей. С тобой все в порядке? В физическом плане, я имею в виду?

Хороший вопрос. Бойфренд-предатель, умершая мать и семья, которая заперла меня в собственной комнате, – вряд ли все это можно описать словом «хорошо». Но Кэт спрашивает не об этом.

Лучше не бывает. Каков план? Ты ведь передала мне телефон не для того, чтобы просто поболтать со мной?

«План» – это громко сказано. Но мы что-нибудь придумаем. Главное, что теперь мы можем разговаривать и координировать свои действия.

Я фыркаю. Сообщение Кэт, возможно, звучит оптимистично, но мне кажется, что она, как и я, мало представляет, как действовать дальше. И это не очень-то обнадеживает.

Как скажешь. Но я не могу звонить, и мне пришлось отключить звук. Они у моей двери. Я буду проверять, написала ты или нет.

Хорошо. Будь начеку.

Почему-то начинают гореть глаза. Может быть, потому, что мне наконец-то есть с кем поговорить, хотя я не знаю, могу ли им доверять. Может быть, это надежда выбраться отсюда. А может быть, это просто буря чувств, которая сейчас пытается вылиться в слезы. Я блокирую смартфон и прячу его под подушку. Не то чтобы кто-нибудь здесь мог его увидеть – в конце концов, у меня не так много посетителей.

Несколько минут я стою неподвижно, глядя в стену, пытаюсь обработать новую информацию. Наконец я беру чистую одежду, расчесываю свои запущенные волосы и иду в душ. Горячая вода почти обжигает, но я лишь наслаждаюсь легким покалыванием на коже. Это помогает прояснить мысли.

Что, если Кэт говорит правду? Что, если они действительно хотят мне помочь, а Кево действительно пропал и находится в плену у повстанцев?

Что тогда мне делать?

Спустя, кажется, целую вечность, я, закутанная в несколько слоев одежды, падаю на кровать. Понятия не имею, сколько сейчас времени, но, в принципе, это даже неважно. В данный момент день или ночь не имеют для меня никакого значения.

Нащупываю телефон и достаю его. Меня ждет непрочитанное сообщение от Кэт.

Ты не одинока. Мы вытащим тебя оттуда.

Разные жизни

Проходит еще два дня, в течение которых я с нетерпением жду, что что-то произойдет. Сообщения от Кэт с планом побега, еще одного визита Мэрты, хоть чего-то. Наличие мобильного и возможность с кем-то общаться пробудили мой боевой дух, но я по-прежнему обречена на бездействие. Что, несмотря на сообщения Кэт, начинает меня немного раздражать. Вчера у меня был небольшой приступ паники, когда я сообразила, что батарея телефона не будет работать вечно. Спустя примерно два часа, в течение которых моя комната превратилась в средоточие хаоса, я наконец нашла подходящее зарядное устройство и предотвратила катастрофу. И это было самым ярким событием моего дня.

Но сегодня что-то изменилось. Я понятия не имею, что происходит, но во дворе как-то беспокойно, там больше народу, чем обычно. Моя комната находится на четвертом этаже, вдали от общих комнат и холла, поэтому других обитателей дома я почти не слышу. Мой единственный контакт с внешним миром – не считая мобильного телефона – это окно, выходящее во внутренний двор. И сегодня там много чего происходит. Если в прошлые дни кто-то только изредка заходил во двор и покидал его, то сегодня люди передвигаются небольшими группами, исчезая между деревьями на территории. Что-то происходит, и это заставляет меня нервничать.

Что, если они захотят принести меня в жертву? Ладно, теория действительно дурацкая, но так ли она далека от истины? Моя жизнь полна тайн и мифов. Я часть сообщества, которое может завершать и создавать времена года с помощью ритуала и различных драгоценных камней. До недавнего времени я почти не заморачивалась на этот счет. Так неужели то, что меня могут принести в жертву, настолько невероятно? Чтобы... не знаю... передать роль Хранителя кому-то другому? Если мои рассуждения верны, то в случае моей смерти следующей Хранительницей должна стать Зара. Хотя особой пользы моей семье это не принесет. Но, возможно, они нашли способ каким-то образом освободить меня от этой роли.

Может, мне не стоит заикливаться на этом. Так и спятить недолго, не хочется рисковать потерять рассудок, сидя в четырех стенах, и сделать свое положение еще более безнадежным.

И все же кое-какие приготовления не помешают. Впервые почти за неделю я, чтобы подкрепить свои силы, съела полноценный завтрак. Кроме того, я постоянно пытаюсь призвать свою силу, чтобы хоть как-то удержать ее. Может быть, это бред, но я опасаясь, что если не буду использовать свои силы слишком долго, то отвыкну это делать. В моей комнате почти нет источников, которые я могу направить и с помощью которых я могу увеличить свои физические силы. Энергии мертвого дерева и камней не хватает, чтобы по-настоящему сопротивляться и сражаться. Но это все же лучше, чем ничего.

Обеспокоенная, я иду в ванную комнату и проверяю мобильный телефон, который держу там со вчерашнего дня. На мой взгляд, именно там меньше всего шансов, что кто-то его найдет или случайно обнаружит. Но никаких новых сообщений нет. Последние несколько дней Кэт очень редко выходила на связь, так как никакого плана, как вытащить меня отсюда, у них до сих пор нет. У меня есть подозрение, что ее сообщения предназначены только для того, чтобы успокоить меня – чтобы я знала, что она все еще здесь и думает обо мне. Чтобы я не теряла надежды. Я понимаю, что эта связь с внешним миром – большой шаг к свободе, но все равно разочарована. Когда Мэрта вручила мне телефон, я ожидала выхода, конкретного решения хотя бы части своих проблем. Это ожидание конкретных указаний меня просто убивает.

Чтобы отвлечься, я высушиваю влажные волосы феном. Не то чтобы это было необходимо, но, по крайней мере, занимает почти пять минут. За время, проведенное в этой комнате, я усовершенствовала свой уход за кожей, привела в порядок ногти и даже выщипала брови. Чтобы хоть чем-то заняться.

Два дня назад я пыталась отвлечься с помощью медитации, но так и не смогла отключить мысли. Я была слишком беспокойна, поэтому сейчас заставляю себя тренироваться каждый день: работаю над твердой стойкой, которая, по словам Кево, необходима для рукопашного боя. Вчера я раз за разом пыталась призвать свою силу и выкачать энергию из дерева за окном, но меня в очередной раз ждал провал. В этой комнате просто нет подходящего источника для высасывания энергии, мне не на чем использовать мои силы. Этим утром я начал набрасывать план здания Зимнего Двора. Каким бы ни был план Кэт, знание планировки Двора, думаю, будет для нее нелишним. Рисовать нечто подобное по памяти оказалось сложнее, чем я думала, но пока результатом я вполне довольна. Благодаря мобильному телефону у меня теперь есть относительно стабильное подключение к интернету, и хотя я не хочу расходовать свои мобильные данные на такие вещи, как Netflix или YouTube, я время от времени заглядываю в интернет, чтобы поискать способы незаметно попасть на остров. Например, через канализацию. Или через систему вентиляции. Мои исследования, однако, не особенно успешны. Чтобы выяснить, какова на самом деле система вентиляции, мне нужен точный год постройки дома, а если Кэт и остальные попытаются попасть на остров через канализацию, они почти наверняка либо утонут, либо окажутся прямо в Осло-фьорде. И все же все это дает мне, по крайней мере, ощущение, что я хоть как-то содействую своему освобождению. К сожалению, охранники за моей дверью не очень разговорчивы, поэтому подслушивать их нет смысла. Они просто стоят, а когда говорят, то обычно о спорте или о том, что у них на ужин.

Вчера я молча оставила у двери полную корзину белья, в надежде, что кто-нибудь позаботится о ней. Я уже успела поносить всю свою любимую одежду, и если кто-нибудь не постирает ее в ближайшее время, мне придется перейти на летние платья. Сейчас на мне пара обтягивающих леггинсов с начесом, которые я купила когда-то, чтобы бегать зимой. Не то чтобы я когда-либо действительно это делала, но в данный момент очень благодарна себе за то, что они у меня есть. На мне синяя майка и толстовка с капюшоном, на которой в районе груди красуется пятно от кофе. Когда волосы высыхают, я заплетаю их в толстую косу, не желая, чтобы они запутались.

Подняв голову, я смотрю в зеркало и вздыхаю. Выгляжу ужасно. Не считая сомнительного наряда, у меня темные круги под глазами, кожа еще бледнее, чем обычно, а губы потрескались и пересохли. Героиня драмы. Вообще-то, меня это не должно волновать, в конце концов, сейчас меня не видит ни одна душа. Но мне это все равно не нравится. Я чувствую, что мне нужно очистить свой разум, но ни беспорядок в комнате, ни неряшливый внешний вид в этом не помогают.

Уньло чищу зубы, наношу на лицо лосьон и открываю глухое окно в ванной. Еще раз проверяю сообщения на телефоне, потом возвращаюсь в комнату и останавливаюсь, уперев руки в бока.

Сегодня будет уборка. В изоляции, в отсутствие плана побега, я могу совсем расклеиться, а в моем положении это просто недопустимо. Последнее, что мне нужно, – это споткнуться о гору хлама, когда представится возможность сбежать.

Перед тем как взяться за уборку, я снова усаживаюсь на подоконник и прижимаюсь носом к стеклу так, чтобы смотреть из окна во двор. Мельком успеваю заметить мужчину, который исчезает в лесу с двумя складными стульями, и хмурюсь. Что, черт возьми, тут происходит?

Когда проходит еще пять минут, в течение которых ничего не происходит, я покидаю свой наблюдательный пост и начинаю разбирать хаос на своем столе. Отодвигаю несколько тетрадей в сторону и наконец беру в руки учебник по биологии. Он все еще открыт, и к краю страницы приклеен маленький стикер с заданиями, которые мы должны были сделать дома. При виде этого маленького клочка бумаги мое сердце болезненно сжимается.

Ого! Мысли невольно возвращаются к тому дню, когда я пыталась понять строение клеточной стенки. В тот день я впервые увидела Кэт и погналась за ней и Зарой после школы.

Помню, как сидела здесь, беспокоясь о том, что не поняла материала и провалю тест, который... был написан несколько недель назад. Внезапно глаза начинают жечь, боль в груди усиливается. Но это всего лишь школа. Я никогда не была фанатом старшей школы, не могла дождаться, когда, наконец, окончу ее и поступлю в колледж далеко-далеко отсюда. Но мысль о том, что одноклассники продолжают изо дня в день ходить на уроки, обсуждая друг с другом свои проблемы, которые состоят максимум в забытых домашних заданиях, спорах с родителями и чьих-нибудь любовных отношений, огорчает меня. Эта жизнь, эта простая, нормальная жизнь кажется такой невероятно далекой и давно минувшей. Тогда, до смерти Сандера, политика сезонных домов не имела для меня значения, я не забивала себе голову махинациями своей семьи или собственными магическими способностями. Потому что тогда я еще не знала, что они у меня есть. Думала, что мой отец был каким-то идиотом, который бросил меня и маму еще до моего рождения. Раньше мои мысли занимало лишь то, что я не могу возвращаться домой позже, что нужно убирать свою комнату или готовиться к школе.

Сейчас я отдала бы все, чтобы иметь возможность поменять свои нынешние проблемы на те проблемы, что волновали меня тогда. Не знать ни о повстанцах, ни о своих способностях, ни о войне. Вернуть маму.

Никогда не встречаться с Кево. Невольно вспоминаю о чувствах, которые он вызвал во мне, о силе его рук, когда он обхватил меня за талию, о звуке его глубокого смеха, о маленькой ямочке на его левой щеке, когда он усмехался. Неважно, чем закончится то, что между нами, я не хочу отказываться от воспоминаний о нем. Если бы ничего этого не произошло, я бы даже не узнала о существовании Кево. И Кэт, и Анатолия. Все они существовали бы где-то в этом мире, вели свою собственную жизнь, и наши пути никогда бы не пересеклись.

Хорошо это или плохо, я при всем желании сказать не могу. В этом отношении мои разум и сердце до сих пор перегружены. Но это, безусловно, был бы более легкий жизненный план.

Нехотя убираю учебник биологии в ящик, а затем энергично задвигаю его. Я понимаю, что могу просто выбросить свои школьные принадлежности в мусор. Даже если я переживу эту войну, сомневаюсь, что мне в ближайшем будущем придется беспокоиться о школе. И все же выбросить книги и тетради было бы все равно что выбросить часть моей прежней жизни, часть моего прежнего «я». И я просто не могу заставить себя сделать это.

Мысли возвращаются к Эмме, моей лучшей, моей нормальной подруге. Она знает о том, кто я, и немного о том, что происходит со мной сейчас. После того как я впервые сбежала от повстанцев, я спряталась у нее и рассказала ей о своей семье. Но с тех пор многое произошло. Мне хочется позвонить Эмме, хотя бы для того, чтобы услышать ее голос и поговорить с кем-то, кому я доверяю. Но это невозможно. У меня просто нет для нее такого объяснения, которое не повергло бы ее в панику. Надеюсь лишь на то, что мое короткое сообщение хоть немного ее успокоит.

Внезапно за моей дверью происходит какое-то движение. Сердце неприятно замирает, я отскакиваю назад. Не то чтобы в моей комнате было достаточно места для маневров, но мне требуется немного свободы для передвижения.

Прислушиваюсь к голосам, но не могу разобрать ни слова. Затем, несколько секунд спустя, раздается громкий стук в дверь, после чего она тут же распахивается. В дверях стоит светловолосый, довольно крупный парень в черном костюме. Он не из Зимнего Двора, и это немного смущает. Мне казалось, что дед доверит надзор за мной исключительно своим людям.

– Мисс Калино, – говорит мужчина мрачным голосом, отрывисто кивая в мою сторону. – Пожалуйста, пойдите с нами.

Медленно поднимаю бровь, но не двигаюсь.

– Зачем? – подозрительно спрашиваю я.

Меня удивляет, что парень обращается ко мне на «вы». В этой стране формальности соблюдаются только для важных персон, таких как члены королевской семьи. Только служащие

Двора обращаются ко мне на «вы», потому что я внучка хозяина и, следовательно, наследница престола этого странного семейного бизнеса. Однако я ожидала, что из-за моего якобы предательства и злоупотребления доверием лишусь привилегий высокопоставленного члена семьи.

– Нас попросил тебя привести твой дед, – коротко отвечает блондин. Рядом с ним появляется другой мужчина – его я тоже никогда раньше не видела. Возможно, они – представители Летнего Двора. – Вам придется спросить у него самого.

В животе растекается нехорошее предчувствие.

– С вами я точно никуда не пойду, – говорю я, надеясь, что они не заметят дрожи в моем голосе. – Откуда мне знать, что вы не вырубите меня за следующим углом?

– Если бы собирались вырубить вас, мисс, нам бы не потребовалось для этого вначале выводить вас из комнаты.

Тоже правда. Подозрительно оглядываю обоих мужчин и пытаюсь заглянуть мимо них в коридор. Никого. Нет даже тех двух горилл, которые обычно охраняют мою дверь. Не знаю, должен ли этот факт меня успокаивать.

– Мы просто должны проводить вас на улицу, – говорит другой странно успокаивающим голосом. Будто разговаривает с перепуганным животным. – Наденьте куртку, там чертовски холодно.

Мгновение колеблюсь, затем тянусь к своей куртке, которая небрежно висит на стуле у письменного стола. Эти парни не выглядят агрессивными или особенно опасными, но я не настолько глупа, чтобы позволить им одурачить себя. Ни внешним видом, ни успокаивающими словами.

Сунув руки в рукава куртки, я киваю подбородком в их сторону:

– А к чему костюмы? Вы что, Люди в черном?

Лицо блондина сохраняет каменное выражение.

– Нет, мисс.

Ух ты. Да они весельчаки.

Вздыхнув, я застегиваю молнию и уже собираюсь взяться за ботинки, когда вспоминаю еще кое-что. Бросив взгляд на мужчин, указываю на полуоткрытую дверь ванной.

– Я быстро, – говорю я и, не дожидаясь ответа, ускользаю в ванную.

Когда я закрываю за собой дверь, мои руки влажные от пота. Никогда особо не умела лгать, и уже одна мысль об этом заставляет меня нервничать. Торопливо открываю небольшой шкафчик и достаю свой мобильник. Не знаю, куда меня ведут эти двое, но лучше иметь телефон при себе. Какое-то время я стою посреди ванной, не зная, куда, черт возьми, его положить. Класть телефон в карман куртки – глупая идея, потому что мне, возможно, придется ее снять или куда-то положить. Моя грудь, к сожалению, недостаточно велика, чтобы незаметно спрятать телефон в лифчике. Так что остаются только штаны. Я поднимаю топ и толстовку и засовываю мобильник за пояс. Надеюсь, мешковатый свитер скроет небольшую квадратную выпуклость на моей заднице.

Нажимаю на кнопку слива унитаза, на мгновение включаю воду, затем делаю глубокий вдох, возвращаюсь в комнату и надеваю зимние ботинки. Если минуту назад я считала свой наряд сомнительным, то теперь можно с уверенностью сказать, что это не так. Я похожа на бездомную. Или на двухлетнего ребенка, которому мама разрешила выбрать себе одежду самому.

Когда я заканчиваю одеваться и подхожу к двум мужчинам, они сразу же отходят в сторону, пропуская меня. Руки и ноги начинают рефлекторно покалывать – верный признак того, что сила внутри меня пробуждается. Теперь я уже знаю, что моими способностями управляют эмоции. Они реагируют на страх, беспокойство или гнев. И в данный момент все это одновременно бушует во мне. Но я беру себя в руки. Если бы эти двое были единственными противниками, я бы с ними сразилась. Но этот остров просто кишит людьми, которые стоят у меня на пути. Если я предприму попытку побега и потерплю неудачу, меня могут наказать или поме-

стить под постоянное наблюдение. Тогда мне придется забыть о телефоне и разговорах с Кэт. Не хочу рисковать этим. Кроме того, я почти уверена, что парни отведут меня к деду – куда же еще? И я хочу услышать, что он скажет.

Блондин идет впереди, другой следует за мной так близко, что это почти неприлично. Совершенно ясно, что это не просто сопровождение. Они – мои надсмотрщики, и постепенно меня осеняет, почему я никогда не видела этих двоих раньше. У большинства членов Зимнего Дома нет активных способностей, которые были бы полезны для обороны или боя. С другой стороны, эти солдаты смогут обуздать меня, если я стану сопротивляться.

Мы молча оставляем позади верхние коридоры и спускаемся в холл. Взгляд на миг бросается туда, где умерла моя мама, но я поспешно отворачиваюсь. Сейчас мне это не нужно. Я беспрестанно сканирую местность, ожидая засады или объяснения этой маленькой вылазки. Около недели я была заперта в своей комнате, где меня все это время игнорировали, если не считать визита Мэргы. Значит, должна быть веская причина тому, почему они вытащили меня из комнаты именно сейчас.

Между тем энергия бурлит во мне с такой силой, что ее почти невозможно подчинить себе. Уже не в первый раз я использую ее бесконтрольно. Но сейчас мне необходимо взять себя в руки. Каждый раз, когда я использую свои силы, я сама теряю часть энергии. До тех пор, пока мной не овладеет усталость. Раньше мне даже приходилось падать в обморок. Но сейчас мне нужна ясная голова.

Когда мы покидаем здание и оказываемся во дворе, который я вижу из окна своей спальни, я резко останавливаюсь. Я думала, они отведут меня в кабинет или в столовую. Думала, что они отведут меня на беседу с моим дедом.

За спиной я слышу, как парень позади меня издает тихое ругательство, и в то же время слегка удивляюсь тому, как это он не наскочил на меня.

– И что все это значит? – спрашиваю я, когда блондин поворачивается ко мне.

– Как я уже сказал, нам было приказано...

– Я помню, что ты сказал, – резко обрываю я его. – Вы правда думаете, что я пойду с вами в лес? Я вас не знаю, вы мужчины и вас двое. А лес большой и страшный. Я посмотрела достаточно ужастиков, чтобы ни в коем случае этого не делать. Да-да, у меня точно хватит здравого смысла не совершить подобную глупость.

Блондин выглядит так, будто и он начинает понимать сложность ситуации. Слегка поморщившись, мужчина снова надевает на лицо бесстрастную маску.

– Я понимаю ваши чувства, мисс Калино. Вам, конечно, неудобно, но уверяю вас, никаких злых намерений у нас нет.

Я фыркаю:

– Уверяете? Вы – меня? Уверена, это коронная фраза каждого второго серийного маньяка.

Парень моргает:

– Послушайте...

– Нет, – твердо говорю я, скрестив руки на груди. – Я не сделаю больше ни единого шага, пока вы не скажете мне, что здесь происходит.

Другой парень, который стоял позади меня, теперь оказывается рядом со своим приятелем. В отличие от блондина, он и вполтину не так доброжелателен. Нет, этот тип, кажется, раздражен не меньше меня.

– Честно говоря, девочка, – начинает он, глядя на меня сверху вниз, – я понятия не имею, кем ты себя возомнила, но сейчас ты сильно переоцениваешь свое положение. Ты, может, и внучка Мастера, но мы не работаем на Зимний Двор. Мы лишь оказываем вашему Мастеру услугу, вот и все. Чисто из вежливости. Но если ты собираешься испытывать наше терпение, с любезностями будет покончено. Все ясно?

Да, его слова пугают меня. Но будь я проклята, если покажу им это. Вместо этого я выпрямляюсь, чтобы казаться немного выше, и поднимаю подбородок.

– Вы, ребята, похоже, понятия не имеете, на что я способна. Откуда вы? Летний Двор? – Я злобно смеюсь. – Физическим превосходством меня не победить. У вас нет шансов, мальчики.

Недружелюбный тип делает ко мне шаг, так что мы оказываемся так близко, что его грудь почти касается моей.

– Будем рады рискнуть.

Страх стискивает мне горло, покалывание в руках становится неприятным. Мое тело начинает автоматически тянуть энергию из камней и земли под ногами, чтобы вооружиться для битвы. Еще немного, и я буду более чем готова хорошенько надрать этим двум типам задницы.

Однако, прежде чем кто-либо из нас успевает что-то сделать, блондин хватается за руку и энергично оттаскивает его от меня.

– Остынь, – говорит он, глядя на своего друга, а затем на меня. Какое-то время блондин изучает меня, затем устало вздыхает: – Если я скажу тебе, куда мы идем, ты пойдешь с нами? Без этих выкрутасов?

Мне снова хочется фыркнуть. Выкрутасы? Я бы так не сказала. Ведь речь идет не о планах на вечер или выборе достойного ресторана. Речь о моей жизни.

– Обещать не могу, – с вызовом отвечаю я, не сводя глаз с разгневанного типа. – Зависит от того, куда мы направляемся.

– Сегодня похороны твоей матери, – коротко бросает блондин. – Туда мы и идем.

Свобода

Кево

Что-то происходит там, снаружи. Я сажусь на своей койке и потираю воспаленные запястья, когда слышу грохот. Вчера меня наконец-то развязали, и хотя я благодарен за свободу передвижения, веревки и наручники оставили на моей коже красные рубцы. Плюс разбитая губа и несколько синяков, которые, в принципе, даже не стоят упоминания. Теперь я почти уверен, что нахожусь где-то в окрестностях Осло, я до сих пор в Норвегии, это точно. В последний раз, когда заказывали пиццу, курьер говорил по-норвежски. Из моей крошечной унылой каморки с маленьким зарешеченным потолочным плафоном я не могу видеть того, что происходит снаружи, но хотя бы слышу, что делается в верхних комнатах или перед входной дверью.

Грохот раздается вновь. Медленно встаю с койки, вынужденный на миг слегка опереться на стену. Последние несколько дней я мало ел, к тому же уверен, что одно из моих ребер повреждено, так что сейчас мое кровообращение оставляет желать лучшего. Дышу, борясь с головокружением, затем выпрямляюсь. Не знаю, что там происходит. Я даже понятия не имею, сколько людей в доме. С тех пор как потерял сознание на причале в Калинойе, я видел только Уилла и Джозефа. Само собой, сюда приходят и уходят и другие люди, но пока я их не видел. Однако здесь точно не штаб-квартира этой повстанческой группировки, для этого тут слишком тихо.

Невольно задерживаю дыхание, когда воцаряется неестественная тишина. Обычно я все время слышу приглушенные шаги или тихие голоса: с изоляцией в этом доме из рук вон плохо. Но сейчас – ничего. Никакого грохота, никаких признаков жизни.

Возможно, на них напали. Члены Зимнего Двора или представители других сезонов. Что ж, повстанцев, конечно, жаль, но если это так, меня, надеюсь, здесь, внизу, не найдут. Я совершенно уверен, что Зимние меня, так скажем, недолюбливают. Однако, если они убьют повстанцев в доме и оставят меня здесь, внизу, я, вероятно, умру с голода. Из двух зол, как говорится...

Я так стараюсь услышать хоть что-нибудь, что у меня почти болит голова. Нахмурившись, подхожу к маленькому окошку и пытаюсь разглядеть что-то снаружи, но ничего не выходит. Все, что я вижу, – это серое небо и снег, который не прекращается неделями.

Внезапно за дверью слышен какой-то скрежет, и я вздрагиваю. Не проходит и двух секунд, как раздается такой оглушительный грохот, что мне кажется, будто стены дома дрожат. Тяжелая железная дверь, запирающая мою маленькую темницу, с громким скрипом отваливается от дверной рамы, будто это не дверь, а простая игральная карта.

Совершенно сбитый с толку, плююсь на дверной проем. Облако пыли заполняет все пространство помещения, затем кто-то проходит и бросает на меня такой заинтересованный взгляд, что это кажется почти комичным.

– Шевелись, парень, – говорит Анатолий, не тратя времени на приветствие. Я едва узнаю его: на нем респиратор. Когда я несколько раз моргаю – и, вероятно, выгляжу совершенно растерянным, – в уголках его глаз появляются веселые морщинки. – Вопросы потом. Понятия не имею, как долго они будут валяться там без сознания. Так что нам лучше убираться отсюда. Прикрой рубашкой рот и нос и лучше задержи дыхание, пока мы не окажемся снаружи.

Я не заставляю его повторять дважды. Беру себя в руки, отбрасываю до поры до времени все вопросы, делаю, что мне говорят, а затем бегу за Анатолием. Поскольку из подвала я никогда не выходил, остается надеяться, что он знает, куда идти. Мы бежим вверх по обветшалой

каменной лестнице, ведущей в жилую зону. На мгновение мое внимание отвлекается, когда мы пробегаем мимо двух повстанцев, валяющихся на диване без малейших признаков движения.

Ух ты. Что бы Анатолий ни сделал, это было весьма эффективно.

Адреналин бурлит в моем теле, когда мы, миновав неухоженный внутренний дворик, наконец выбегаем на улицу. Торопливо оглядываюсь по сторонам, но не замечаю поблизости ничего знакомого. Пока через несколько метров от нас не вижу красный автомобиль, припаркованный у обочины дороги с работающим двигателем и распахнутой пассажирской дверью.

– Кэт, – выдыхаю я и на миг замираю. Я не видел сестру и не слышал о ней с того самого времени, как повстанцы напали на нас в Гетеборге. Я намеренно избегал Кэт, чтобы не привлекать к ней внимание Джозефа и его людей. Часть меня была уверена, что с ней все в порядке, но другая... другая часть чертовски волновалась.

– Идем! – зовет Анатолий, распахивая заднюю дверь машины и запрыгивая внутрь. Я иду последние несколько метров, падаю на пассажирское сиденье, разворачиваюсь к Кэт и притягиваю ее к себе.

– Уфф, – содрогаясь от смеха, произносит она, обнимая меня в ответ. – Я тоже рада тебя видеть.

– Давайте-ка оставим это на потом, – вклинивается Анатолий, снимая с лица защитную маску. – Хотелось бы убрать свою задницу подальше отсюда, пока они не очнулись. Что скажете?

Неохотно выпускаю Кэт из объятий и откидываюсь на спинку сиденья. Встряхиваю головой, пытаюсь упорядочить мысли. Я снаружи. Я сбежал, вот так просто. Несколько минут назад я сидел в темной камере, ломая голову над тем, как выбраться, а теперь я в машине рядом с Кэт, и мы уверенно удаляемся от этого проклятого дома.

– Что?.. – начинаю было я, но тут же прерываюсь, потому что в этот момент Кэт поворачивает так резко, что я уже вижу, как мы все лежим в кювете. – Как вам это удалось? И как вы меня нашли?

Анатолий на своем сиденье подается вперед и хватается руками за спинки наших кресел так, что его голова оказывается почти между нашими.

– Это была идея Зары. Усыпляющий газ.

Я пару раз моргаю:

– Что?

– В принципе, это что-то вроде того вещества, что используется при наркозе или типа того, – объясняет он, пожимая плечами. – Только этот газ более концентрированный и подругому структурированный. Он почти не имеет запаха. Ты не замечаешь его до тех пор, пока не становится слишком поздно и ты валишься с ног.

– И это была идея Зары? – недоверчиво спрашиваю я.

Кэт переводит взгляд на меня, что, учитывая скорость, с которой она едет, и то, как она ведет машину, меня слегка беспокоит.

– Она вовсе не дура, Кево.

Я фыркаю:

– Как скажешь.

Я не фанат Зары, это не секрет. С Блум она вела себя как настоящая стерва. Я не могу игнорировать ее злобу, независимо от того, как к ней относится Кэт.

– Я не знаю, как долго они будут без сознания, – повторяет Анатолий прежде, чем я успеваю что-то сказать, и поворачивается на своем сиденье, оглядываясь назад. – Нам нужно торопиться.

– И куда мы едем? – Чувствую себя беспокойно. Все произошло так быстро, что у меня едва хватило времени призвать свою силу и осмыслить все это. Теперь же страх заливает мое нутро, и я слежу за взглядом Анатолия. – Где мы вообще находимся?

– В Крингше, – кратко отвечает Кэт. – Примерно в полутора часах езды в глубь страны от Осло.

Ладно, по крайней мере мои оценки оказались не так уж ошибочны. Мы все еще в Норвегии.

– И куда мы едем?

– В один маленький городок. Ничего особенного, мы будем там через пятнадцать минут.

Я медленно киваю и снова опускаюсь на сиденье. В голове у меня долбаная каша, но я все равно пытаюсь хоть немного расслабиться. Даже если люди в доме уже пришли в сознание, они понятия не имеют, в каком направлении мы едем. Мне нужно привести в порядок свои мысли, свои приоритеты. Что на самом деле совсем не сложно.

– Вы можете высадить меня по дороге, – говорю я, глядя в окно. – Лучше всего где-нибудь в городе. Где-нибудь, где я могу угнать машину, которая еще в состоянии ездить.

– Сдурел, что ли? – Кэт смеется, хотя видно, что ей совсем не до смеха. Анатолий приставляет зубы и ныряет обратно на заднее сиденье. – Мы только что тебя вытащили, а ты хочешь снова сбежать?

– Я не хочу убегать, – серьезно уточняю я. – Мне нужно в Осло. И ты это знаешь.

– Хочешь сказать, что должен отправиться к Блум.

Я киваю:

– Конечно, мне нужно к Блум. Она в таком же положении, что и я. Она предала свой народ, так же как я предал свой. Меня за это заперли в подвале и не сказать чтобы обращались слишком любезно. Как думаешь, что они сделали с ней?

Кэт наклоняет голову и смотрит на меня:

– Они заперли ее в собственной комнате. Как по мне, это гораздо удобнее, чем подвал.

– Ты понятия не имеешь, что ты... – Мой голос обрывается, когда я понимаю значение ее слов. Я смотрю на Кэт: – Откуда ты знаешь?

Она пожимает плечами:

– Мы поддерживаем с ней связь, Кево.

Я едва не падаю в обморок:

– Что?

– Чему ты так удивлен? – спрашивает Анатолий с заднего сиденья, и хотя я не вижу его лица, он, кажется, дует. – Думаешь, пока ты штурмовал чертов Зимний Двор и сидел в плену, мы плевали в потолок?

В зеркало заднего вида Кэт бросает на него предупреждающий взгляд.

– Мы передали ей мобильный телефон. Поддерживать связь довольно сложно, и это не приносит особой пользы, пока у нас нет плана. Но по крайней мере мы знаем, что с ней все в порядке.

– Она знает?... – Я прерываюсь, проглатывая ком в горле. Блум в порядке. Может быть, все не так хорошо, как хотелось бы, но по крайней мере она жива. – Знает, что повстанцы захватили меня, а вы отправились меня освободить?

Кэт отрицательно качает головой, но это движение кажется каким-то неуверенным.

– Мы только вчера узнали, что тебя держат здесь, – медленно объясняет она. – До этого я спрашивала ее о тебе, но она не знала, где ты, и непохоже, чтобы это ее... да ладно. Ты и сам все знаешь. Я не хотела поднимать эту тему, а то она вообще перестала бы отвечать.

Непохоже, чтобы это ее интересовало, хотела сказать Кэт. По Блум не скажешь, будто ее волнует, что со мной случилось. Горькая пилюля, но меня это не особо удивляет.

– Дай мне свой мобильник, – говорю я, одновременно прокручивая в голове миллион планов, как увезти Блум с этого проклятого острова. – Я позвоню ей.

– Не думаю, что это хорошая...

Я поворачиваюсь, предупреждающе смотрю на Анатолия, и тот замолкает.

– Он прав, – раздраженно вставляет Кэт. – Сбавь обороты, Кево. Все сложно.

– Мне плевать, сложно ли это и считаете ли вы двое это хорошей идеей! – рычу я. – Если есть способ поговорить с ней, я это сделаю. Мне нужно убедиться, что... что с ней все в порядке.

– Знаю, – успокаивающе говорит Кэт. – Но она в трудном положении. Мы не разговариваем по телефону, чтобы никто не обнаружил мобильный и не отобрал его у нее. Она сама настояла на этом. У нас нет второго шанса, Кево, и мы не можем все испортить только потому, что проявим нетерпение и безрассудство.

Она права, я знаю это. Мой ум отчетливо понимает это, но сердце – нет. Может, Кэт и считает, что понимает меня, но она ошибается. Видеть Блум – это не просто потребность, не желание, которое я могу по своему усмотрению поместить на шкалу приоритетов. Мне необходимо увидеть Блум, увидеть своими глазами, что с ней все в порядке. Это так же жизненно важно, как кислород, который постоянно наполняет мои легкие. Последние несколько дней я провел, скрючившись в том проклятом подвале, думая только о ней. Если я и строил планы побега или искал решения, то только с целью найти ее. Быть свободным сейчас и не иметь возможности добраться до нее – это больше, чем все те удары, которые мне нанес Уилл. Я бы с радостью выпрыгнул из этой чертовой машины и помчался в Осло, чтобы хотя бы просто быть рядом с ней. И совершенно неважно, хочет она меня видеть или нет.

Пытаюсь успокоиться, в то время как руки Кэт в нескольких дюймах от меня по-прежнему яростно сжимают руль. Я знаю, у нее свой взгляд на вещи и уж точно собственное мнение. Но в данный момент мне все равно. Если бы речь шла о Заре, запертой в Зимнем Дворе, уверен, она бы отнеслась ко всему этому совершенно иначе.

Тем временем Анатолий сообщает мне: после рейда в Гетеборге они установили контакт с другими мятежниками, которые не больше нас разделяют взгляды Джозефа. Что вполне уместно, поскольку последователи Джозефа в первую очередь стремятся к власти и мести, в то время как остальные борются за законное возвращение Ванитас в мировой цикл. Благодаря одному из этих новых контактов они наконец получили информацию о том, где меня найти, и вот мы здесь.

Несмотря на то что я рад нашим расширяющимся связям, Анатолия я слушаю лишь вполуха, потому что мысли мои постоянно крутятся вокруг Блум. Не могу представить, чтобы ее семья причинила ей вред. В конце концов, они нуждаются в ней так же сильно, как и мы. Зимний Дом хочет инициировать Весну и, таким образом, пропустить Ванитас, но для этого им нужна Хранительница Зимы – Блум. Ведь провести ритуал можно только с Хранителями *обоих* времен года – того, что только начинается, и того, что заканчивается.

Когда Анатолий произносит имя Блум, я целиком обращаюсь в слух.

– Мы связались с парнем, который дал Блум запрещенные вещества, – говорит он, отрывая зубами кусок сушеного мяса, довольно отвратительного на вид. Для меня загадка, как Анатолию вообще может нравиться что-то подобное. – Мы просто попробовали позвонить по номеру, по которому связывались с ним тогда, и нам повезло. У него в Зимнем Дворе остался друг, который смог передать телефон Блум.

Я хмурюсь:

– И он просто помог вам? Почему? – Вначале я не касался никаких переговоров. Это Элия разыскал телохранителя Блум и убедил его помочь нам. В то время я думал, что тогда это был всего лишь вопрос цены. – Вам пришлось подкупить его или что-то в этом роде?

Прожевав, Анатолий качает головой:

– Нет, он хотел нам помочь. Может, он просто знает, что правильно, а что нет.

– Да, возможно, – задумчиво говорю я. – Думаю, иметь друга со связями будет нелишним.

– Кеннет будет поддерживать с ним связь, на случай если он нам снова понадобится.

Кеннет – тот тип, что помог нам в Гетеборге. Он тоже из Ванитас, но я знаю его недостаточно хорошо, чтобы доверять. Тем не менее я киваю:

– Хорошо.

– В любом случае добраться до Блум будет чертовски сложно, – продолжает Анатолий, серьезно глядя на меня. – Она находится под постоянной охраной, и с тех пор, как вы устроили этот свой маленький штурм острова, он кишит членами всех сезонных домов, а не только людьми Зимнего Двора. Войти и выйти незамеченным практически невозможно. Фьорд полностью замерз, и пройти по льду так, чтобы тебя никто не увидел, не удастся. Борьба с ними как минимум также бесперспективно. Даже будь у нас армия – мы бы и то с ними не справились.

– А у Блум вы спрашивали? Может, у нее есть какая-то идея?

Кэт фыркает:

– Нет, до этого мы как-то не додумались. – В ее голосе звучит сарказм.

– Она говорит, что ничего не может сделать, – быстро вмешивается Анатолий. – Силы у нее, вероятно, недостаточно, чтобы отбиться от них всех. Судя по всему, она застряла посреди осинового гнезда.

Меня едва не тошнит. Будь я более сосредоточенным тогда, когда повстанцы вторглись на остров, я бы успел вытащить Блум оттуда до того, как они заперли ее в комнате и оцепили весь остров.

– Ее мать убили, – тихо говорю я, сглатывая ком в горле. – Элия убил. А Блум убила его.

Кэт ахает и испуганно смотрит на меня:

– Что?

– Вот черт, – бормочет Анатолий.

– Ага. – Я сажусь прямее и делаю глубокий вдох. – Понятия не имею, как она сейчас себя чувствует. Но мы должны исходить из того, что она полностью разбита и, возможно, не в состоянии сражаться.

Никто не знает, что на это ответить, поэтому в салоне автомобиля воцаряется молчание. Через несколько минут Анатолий молча протягивает мне бутылку воды и несколько заранее приготовленных, совершенно безвкусных бутербродов. Я прислоняюсь головой к окну и смотрю на проносящийся мимо пейзаж, медленно жуя, чтобы не перегружать желудок. Я свободен, но до сих пор ощущаю себя зверем в клетке. В груди тяжело, и я чувствую, что не смогу нормально дышать, пока мы не освободим Блум. Мне столько всего надо сделать, что я не представляю, как смогу со всем этим справиться. Конечно, в приоритете Блум, потом нужно получить амулет и кристаллы, вызвать Ванитас, а затем Весну и молиться, чтобы не оказалось слишком поздно. Что Земля восстановится.

Следующие двадцать минут проходят в молчании. Я чувствую отчаяние в своем сердце, но решительно отталкиваю его. Отчаяние ни к чему не приведет. Руки на коленях невольно сжимаются в кулаки. Я не позволю, чтобы с Блум что-то случилось. Я надеру задницу каждому, кто посмеет причинить ей боль.

Кэт бросает на меня взгляд, и когда я чувствую ее присутствие в своих мыслях, то позволяю этому случиться.

Мы справимся, Кево. Мы вытащим ее оттуда.

В ее голосе звучит та же решимость, что переполняет меня.

Похороны

Блум

Похороны мамы. Словно в тумане я плетусь за блондином, не обращая внимания ни на что вокруг. Я знаю, мы направляемся на семейное кладбище. Но эти двое могут с легкостью привести меня к обрыву и столкнуть в ледяной фьорд – я и не замечу.

Сила, бурлящая во мне, словно рой разъяренных шершней. Она призывает меня освободить ее, использовать против тех, кто держит меня здесь. Давление в голове и груди почти невыносимо, но мне удастся его контролировать. Я должна. Если я позволю себе хоть малейшую оплошность, меня тут же отведут обратно в комнату – и тогда у меня не останется шанса попрощаться с мамой.

Ком в горле становится таким большим, что грозит меня задушить. Все это время часть меня думала, что мамы уже нет. Что она навсегда забыта и обречена гнить на этом острове. Что мне не позволят присутствовать при ее последнем путешествии. И эта часть почти испытывала облегчение оттого, что перед ней не стоит такая задача. В последние несколько дней я постоянно чувствовала себя так, будто стою у пропасти, и не упасть в эту темную бездну было настоящим подвигом. Я держалась как могла, не давая своему разуму полностью отказаться мне служить.

Но похороны моей матери, похоже, все-таки послужили тем толчком, которому я так долго сопротивлялась. У меня нет никого, кто мог бы меня поддержать, нет плеча, в которое можно было бы выплакаться или просто опереться. Я совершенно одна.

Сердце в груди колотится так быстро, что, боюсь, оно вот-вот выскочит из груди и разлетится на куски. Руки вспотели, и пока мы преодолеваем последние несколько метров к кладбищу, меня бросает то в жар, то в холод. Мне знаком этот путь, конечно, я знаю его. И кладбище я тоже знаю. Оно старое-старое и очень жуткое. В детстве мы боялись этого места, и если честно, для меня и сейчас ничего не изменилось. Мне всегда нравилось гулять по острову и лесу, но этого места я старалась избегать.

Мы поворачиваем за угол, и когда я поднимаю взгляд, мое сердце на мгновение замирает. Я спотыкаюсь обо что-то, чего под ногами, вероятно, даже нет, и резко останавливаюсь. Понятия не имею, что я ожидала увидеть. Деда, тетю с дядей, возможно, несколько сотрудников. В любом случае небольшую группу людей.

Чего я никак не ожидала, так это целой чертовой траурной церемонии. Только теперь я понимаю, почему сегодня утром перед двором было так много людей и почему я видела мужчин, несущих в лес стулья. Они создали из этого грандиозное событие! Почти все стулья заняты, и несколько десятков представителей сезонных домов поворачиваются ко мне, когда я вхожу на кладбище. Встречаю бесчисленное количество взглядов, но ни на один из них не отвечаю достаточно долго, чтобы понять, что все эти люди думают о моем появлении. Смутно различаю за ними алтарь, цветы и нескольких мужчин в костюмах.

Я так не могу. Невольно отступаю на несколько шагов назад и смотрю на облако, которое в морозном воздухе оставляет мое дыхание. Я хочу попрощаться с мамой, хочу быть частью ее последнего пути. Но я не могу сидеть среди людей, которые либо мне не доверяют, либо откровенно презирают. Я не могу...

Прежде чем я успеваю развернуться и убежать, на плечо мне ложится большая рука. Я тут же чувствую, как моя сила пытается направить энергию, но подавляю это стремление. Поднимаю взгляд и вижу блондина, который удерживает меня.

– Садись, – ровным голосом произносит он и кивает подбородком куда-то в сторону. Возможно, на свободный стул, но я не слежу за его взглядом. – Не стоит поднимать лишнего шума.

– Да мне плевать, сколько шума я поднимаю, – огрызаюсь я в ответ. Это похороны моей мамы. Я имею больше прав быть здесь, чем все они, вместе взятые. Широким жестом я указываю на людей, сидящих передо мной. Никого из них я пристально не рассматривала, но знаю, что не все они из Зимнего Двора. Я чувствую их энергии – Зиму, Лето, Осень и Весну. Пестрая смесь, и я на сто процентов уверена, что многие из них мою маму даже не знали.

– Все равно, – шепчет блондин, наклоняясь ко мне. – Возьми себя в руки и сядь. Иначе во время похорон будешь торчать в своей комнате.

Если до этого еще был кто-то, кто меня не заметил, то теперь к нам приковано внимание абсолютно всех собравшихся. Взгляды, устремленные на меня, буквально покалывают мою кожу.

Несколько секунд я стою и думаю, что делать. Но выбора у меня, по сути, нет. Если я откажусь и вернусь в свою комнату, то буду винить себя в этом до конца жизни.

После нескольких глубоких, но не очень успокаивающих вдохов я наконец киваю и стряхиваю руку блондина с плеча. Он бросает на меня быстрый взгляд, потом тоже кивает и жестом приглашает следовать за ним. Это самый длинный путь, который мне когда-либо приходилось преодолевать в своей жизни. Даже дорога домой из Гетеборга после бегства Джозефа и Кево не идет с этим ни в какое сравнение. Мы молча проходим мимо заполненных рядов стульев, и каждый представитель сезонов внимательно оглядывает меня с головы до ног. Я слышу их шепот, чувствую их взгляды и пульсацию энергий вокруг меня. Моя сила в том, чтобы высасывать энергию из людей, подобно обезумевшему вампиру. Так что это похоже на хорошо укомплектованный шведский стол с разнообразной энергией для моей силы.

Пару секунд спустя замечаю деда. На нем темно-синий костюм – королевский цвет моего дома, он стоит рядом с алтарем и урной, которая кажется слишком большой. Я видела не так много урн, но эта кажется громадной. Словно скала, она вырисовывается между бабушкой и дядей, который стоит с другой стороны, сцепив руки за спиной. Глыба из темного красного дерева, украшенная голубым хрусталем и золотыми ручками. Мой совершенно перегруженный мозг невольно задается вопросом, насколько дорогой была эта вещь и нельзя ли было потратить эти деньги на другие вещи. Но это все же лучше, чем думать о том, что там будет храниться мертвое, сожженное тело моей мамы.

Меня не удивляет, что два моих телохранителя садятся прямо рядом со мной, придвигаясь так близко, что это можно принять за домогательство. Их плечи настолько широки, что я невольно втягиваю свои, чтобы только не касаться их.

– Теперь, когда все в сборе, – раздается голос моего деда, заставляя меня вздрогнуть, – можем начинать.

По спине пробегает холодная дрожь, которая не имеет ничего общего с сегодняшней погодой. На улице ледяная стужа – деревья, трава и кусты скрыты под слоем льда, по замерзшей земле ползет туман, с серого неба на нас сыплются легкие хлопья. Но холод, пронизывающий меня, не связан с продолжающейся зимой. Это все из-за ситуации, в которой я оказалась. Мама в нелепо-вычурной урне, дед, который обращается со мной как с пленницей и, видимо, собирается произнести надгробную речь. Все это настолько абсурдно, что я с трудом могу поверить в реальность происходящего.

– Благодарю вас всех за то, что пришли, – продолжает дед, оглядывая толпу собравшихся и демонстративно игнорируя меня. Я сжимаю зубы. – На прошлой неделе мы отдали ваших близких фьорду. Вода поглотила их, и теперь их души во власти милосердных богов. К сожалению, сейчас фьорд полностью замерз. Я вижу в этом знак. Знак того, что боги разгневаны.

Хватаю ртом холодный воздух и смотрю в сторону берега и воды. Сколько себя помню, наших мертвых кремировали и отдавали фьорду. На кладбище оставались лишь каменные памятники, чтобы у родственников было место для скорби. Меня не волнуют семейные традиции и ритуалы, но мысль о том, что моей маме эта честь оказана не будет, расстраивает.

Дед продолжает говорить, но я так потрясена, что его слова доходят до меня с трудом:

– ...моя любимая дочь погибла за наше дело. За войну, в которой стоит сражаться. В которой стоит умереть. Я горжусь тем, что теперь она с богами и, несомненно, там ее почитают как героиню. Все мы за последнее время потеряли наших людей, все мы знаем, какое бремя приходится нести каждому из нас. Все мы – фигуры в божественной игре, и все мы должны сделать свой ход, когда наступит наша очередь.

Меня сейчас стошнит. Желательно – прямо на начищенные ботинки моего деда. Меня невероятно злит тот факт, что он использовал похороны моей мамы, своей собственной дочери, в качестве возможности для распространения своих лозунгов. Мне хочется встать и сказать им всем, что мы рискуем жизнями наших семей ради того, что, по сути, является не более чем дракой в песочнице. Что все это могло бы давно закончиться, если бы мы просто поговорили друг с другом, проглотив нашу чертову гордость.

Но я этого не делаю. Я продолжаю спокойно сидеть на холодном стуле, сжимая руки на коленях в кулаки, в то время как сила внутри меня становится все более нетерпеливой. Невольно начинаю ощущать землю под ногами, сердце внезапно начинает биться учащенно, чувства обостряются. Приятный побочный эффект моих способностей – мое зрение становится четче, я лучше слышу и более остро воспринимаю окружающую меня обстановку. Словно хищник, готовый к прыжку.

– Моя дочь была впечатляющим человеком. Она боролась за то, что для нее было важно, и пожертвовала собой ради того, во что верила. Она умерла в борьбе, и я безмерно горжусь ею. Мы предадим ее прах земле и похороним среди памятников наших предков. Эта зима кажется разрушительной, но она – часть нас. Уверен, что в конце концов она окажется к нам благосклонна.

Мой взгляд затуманивается от гнева. Мама погибла не так, не в борьбе на стороне моего деда. В тот момент, когда она умерла, мама была напугана и сбита с толку и хотела лишь одного – защитить меня и себя. Она не стремилась к победе или достижению какой-то конкретной цели. Когда моя мама умерла, она была просто мамой. Не больше и не меньше. Делать ее сейчас фигурантом этой войны просто бестактно и отвратительно.

Давление внутри меня все нарастает. Зажмуриваюсь на мгновение, но постепенно теряю над собой контроль. Двое мужчин рядом со мной начинают ерзать на своих стульях, но ничего не говорят.

Внезапно мое внимание привлекает что-то еще. Мои чересчур обостренные чувства сосредотачиваются на ряду позади меня, на людях, сидящих за моей спиной. Они – представители Зимнего Дома, и исходящие от них флюиды дружелюбными не назовешь. Сосредотачиваясь на своих чувствах, и из окружающего шума постепенно вырываются тихие голоса, доносящиеся до меня четко и холодно, словно по радио, на котором наконец поймали нужную волну.

– Подтвердить ее историю не может никто, – слышу я шепот. Голоса я не узнаю, но сейчас это неважно. Я знаю, о чем они говорят. И о ком. Я просто знаю. Они говорят обо мне. – Она утверждает, что ее мать убил повстанец. Но она вышла из-под контроля. Она предательница. Не удивлюсь, если она убрала с дороги собственную мать, чтобы помочь повстанцам.

Другая женщина что-то отвечает, но ее слова заглушаются шумом в моей голове. Гнев взрывается в моем животе и яростно распространяется по всему моему телу. Словно огонь, который пожирает сухую солому и не оставляет после себя ничего, кроме пепла и смерти.

Сила прокладывает себе путь, она пронзает мое тело, и на этот раз я не могу ее остановить. Да и не хочу. Будто невидимыми руками она тянется к энергии, которая меня окружает.

Двое мужчин рядом со мной замечают это первыми: они вскакивают и кричат что-то, чего я не понимаю. Я тоже стою, хотя и не помню, чтобы собиралась подняться на ноги. Может быть, я просто утратила контроль над своим разумом. Может, я стала действовать на автопилоте и позволила своей внутренней силе взять над собой верх. Пусть так.

Давление в голове и груди ослабевает, становится все тише и тише. Бесчисленное множество различных энергий течет ко мне, и каждая из них становится частью меня. Люди вокруг меня бегают в панике, что-то кричат друг другу. Я едва воспринимаю голос деда, но даже это в этот момент не имеет для меня значения. Весь гнев, вся печаль и разочарование проникают сквозь мою кожу и проявляются в такой силе, которой прежде я никогда не испытывала. Это чувство напомнило мне о той ночи, когда я нашла Сандера. Тогда смерть тоже была рядом.

Я думаю о своей маме, о страхе, которым были наполнены ее глаза незадолго до смерти. Она хотела спасти меня. Ее последние мысли были о том, чтобы находиться рядом со мной, не оставить меня одну, хотя сопротивляться она не могла. А мой дед своими боевыми речами очерняет ее мужество и самоотверженность.

Слезы наворачиваются на глаза и почти сразу же переполняют их, когда я откидываю голову назад и кричу. В моих собственных ушах этот звук подобен голосу раненого животного. Я кричу так громко, что это обжигает горло, но не останавливаюсь.

– Я не могу этого сделать! – кричит мой дедушка. Понятия не имею, что он имеет в виду, и мне это неважно. Он ничтожен, он бессилен. – Мы должны...

Его голос теряется в мощном реве, что вибрирует глубоко в моих костях и заставляет мои волосы встать дыбом. Я не знаю, действительно ли слышу этот рев или он существует только в моей голове. Зажмуриваюсь и сильнее концентрируюсь на людях, окружающих меня, на земле под ногами и древесине старых деревьев вокруг. А потом я выпускаю все наружу. Вся сила, все эмоции, которые накопились в моем сердце за последние несколько дней, покидают мое тело одним мощнейшим взрывом.

Давление вмиг исчезает. Крик застревает у меня в горле, и я, спотыкаясь, отступаю на шаг назад. Тяжело дыша, пытаюсь унять головную боль.

Постепенно разум проясняется, и я начинаю медленно осознавать, что здесь происходит.
– Черт возьми, – выдыхаю я, открывая глаза.

Беги

Вокруг меня, распластавшись на земле, скрючившись на своих стульях, лежат тела. Безжизненные, неподвижные тела.

Задыхаясь, я отступаю и вижу двух мужчин, приставленных охранять меня. Они лежат на земле лицом вниз.

– Какого черта?.. – шепчу я и, спотыкаясь, отступаю еще дальше, пока не чувствую за спиной ветки деревьев. Этого не может быть. Я не настолько могущественна. В последний раз я заставила нескольких людей потерять сознание, не прикасаясь к ним, когда нашла Сандера. Но тогда их было всего несколько человек, едва ли с полдюжины.

А здесь по меньшей мере пятьдесят!

Стоп. А что, если они не в обмороке? Что, если...

Не в силах закончить эту мысль, лихорадочно озираюсь по сторонам. Слезы снова катятся по щекам, но на этот раз я не знаю, плачу от печали, от гнева или страха. Наверное, от всего сразу.

Нужно что-то делать. Я не могу просто стоять на месте и ждать, пока они очнутся. Если очнутся. Не знаю, потеряли ли сознание те, что остались внутри двора, и сколько времени пройдет, прежде чем кто-нибудь придет нас искать.

Совершенно потрясенная, переступаю через тело светловолосого мужчины и подбегаю к небольшому алтарю, где стоит урна моей мамы. Дрожащими черными пальцами слегка касаюсь дерева. Оно холодное, как и все в эти дни.

– Прости, – с тихим всхлипом шепчу я. – Мне так жаль. Хотела бы я, чтобы все сложилось иначе. Я люблю тебя.

Потом я разворачиваюсь и бегу, стараясь ни на кого не наступить. Я вытираю слезы с лица и бегу по лесу так быстро, что деревья вокруг расплываются. Я понимаю, что это происходит из-за того, что энергия, подобно урагану, пронесется сквозь мое тело. При обычных обстоятельствах я бы уже давно рухнула в изнеможении или врезалась в дерево.

Достигнув скал, я, скользя, останавливаюсь. Кровь громко стучит в ушах, когда я выпрямляюсь и смотрю на фьорд. Дедушка был прав – такая обычно бурная, непредсказуемая вода полностью замерзла. Холодное зимнее солнце отражается на поверхности льда, с материка наползает туман. Совершенно нереальная картина, от которой мурашки бегут по коже. Нечто столь неудержимое, столь первобытное не должно быть таким неподвижным и мертвым.

Но тем не менее так и есть. Как бы ужасно ни выглядел замерзший фьорд, это мой единственный шанс. Это лишь вопрос времени, когда они начнут искать меня. Поэтому оставаться на острове – не вариант. Пройдет немного времени, и прилив сил ослабнет, неизбежно наступит истощение. До тех пор я должна оказаться в безопасности, там, где меня не смогут найти.

В растерянности озираюсь по сторонам. Тропа заканчивается у каменных скал, слишком остроконечных и крутых, чтобы спускаться по ним вниз. На дне тоже торчат острые камни, поэтому в детстве нас учили никогда не заходить здесь в воду. Конечно, я могла бы пройтись вдоль берега до причалов, откуда легче добраться до замерзшего фьорда. Однако я уверена, что там кто-то оставлен на страже. Понятия не имею, насколько далеко распространилась моя небольшая вспышка энергии и в сознании ли еще охранники. Но не могу рисковать тем, что попаду в чьи-то руки.

Прищурившись, я осматриваю ледяную поверхность, простирающуюся подо мной. Она выглядит прочной, расстояние до нее составляет не более трех, может, четырех метров. Когда я выскочила из квартиры повстанцев в Осло, высота была значительно больше. Но тогда я приземлилась на твердую почву, а не на слой льда, который может обрушиться подо мной.

Но разве у меня есть выбор?

Резко подавляю голос в своей голове, который истерически кричит на меня, пытаюсь заставить понять, что это довольно глупая идея. И в этом он, честно говоря, не так уж и ошибается. Учитывая мое везение, я провалюсь под лед и замерзну в этом чертовом фьорде. И *это* будет действительно плачевный конец.

Не дав себе времени передумать, делаю глубокий вдох, затем задерживаю дыхание и прыгаю. Хотя «прыгаю», наверное, неправильное слово, скорее я делаю большой шаг на краю обрыва. Непроизвольно раскидываю руки и начинаю грести ими, пока мое тело падает вниз. Крик, зарождающийся в моем горле, заглушается стремительным потоком воздуха и стуком моего сердца. Падение длится всего несколько секунд, но кажется, проходит несколько часов. Когда мои ноги ударяются о лед, я изо всех сил стараюсь исправить положение, но все равно спотыкаюсь и по инерции пробегаю несколько шагов вперед. Как только восстанавливаю равновесие, я останавливаюсь и слушаю. Ничего не слышно – ни трескающегося льда, ни криков с острова. Мир тих и неподвижен.

В последний раз оглядываюсь на свой дом, затем разворачиваюсь и бегу. Буквально в двух метрах от меня сгущается плотная стена тумана. Я ничего не вижу и понятия не имею, в правильном ли вообще направлении двигаюсь. Я ничего не слышу, кроме своего хриплого дыхания и хрусткого звука моих ботинок, ударяющихся о лед. На бегу отчаянно пытаюсь сориентироваться, но ничего не выходит. Вокруг меня только густой туман, хлопья снега, которые ветер швыряет мне в лицо, и лед. Если мне не повезет, я и в самом деле убегу в неправильном направлении и окажусь на мысе напротив Осло. Там, конечно, безопаснее, чем здесь, но там я не ориентируюсь. Мне нужна привычная обстановка, мне нужен план.

Понятия не имею, как долго я бегу. Время, кажется, утратило свое значение, и нет никаких подсказок, которые могли бы мне помочь. Знаю, что я быстрее, чем обычно, благодаря моей внутренней силе. Так что вполне возможно, что я уже пробежала несколько километров, а может быть, бегу через фьорд прямо в море. Чуть меньше ста километров – и Осло-фьорд впадает в Северное море. Не знаю, получится ли у меня. Моя сила – все еще неизвестная часть меня, и, если честно, я не знаю, на что действительно способна.

Тяжело дыша, наконец останавливаюсь и поворачиваюсь кругом. Провожу ледяными пальцами по волосам, и мое дыхание сгущается в белое облако перед губами. Ничего, кроме льда и тумана. Меня охватывает паника. Что, если на самом деле я бегу по кругу и вот-вот снова окажусь перед островом? Что, если...

Какой-то шум заставляет меня застыть на месте. Стиснув зубы, опускаю руки. Едва слышный шепот, чье-то бормотание за туманом. Прищуриваюсь. Мерцает свет, размытый и нечеткий, но это свет. Свет, который ритмично движется туда-сюда, и новые звуки. Голоса.

– Нет, – выдыхаю я и, спотыкаясь, отступаю назад. Это фонарик и тяжелые шаги по льду, они все ближе и ближе...

Я разворачиваюсь и мчусь прочь от преследующих меня людей. Теперь мне все равно, в каком направлении бежать. Главное – как можно дальше от них. Моя сила постепенно угасает. Сердце колотится все быстрее и быстрее, и холодный воздух, проникающий в легкие, обжигает горло и гортань. Я больше не могу. Но здесь негде спрятаться, негде отдышаться. Если те, кто позади меня, – представители Зимнего Дома, они почувствуют мою энергию, как только окажутся достаточно близко ко мне. Кроме того, на мне темная одежда, так что среди всей этой белизны меня очень легко обнаружить. Я должна бежать так быстро и так долго, как только смогу. В Осло у меня есть шанс спрятаться, но здесь я словно прилепила себе на спину ярко-красную мишень.

Внезапно одна нога проваливается в пустоту, я спотыкаюсь и падаю на колени. Острая боль тут же пронзает ноги и ладони, на мгновение перехватывает дыхание.

– Стой на месте! – кричит мне один из преследователей.

Инстинкт подсказывает мне, что нужно вскочить и бежать дальше, но я понимаю, что не смогу этого сделать. Я измучена, и с каждой секундой сила все больше вытекает из моего тела. Вскоре от нее уже ничего не останется. Так что они меня поймают – так или иначе. Смысла бежать куда-то сломя голову нет.

Медленно поворачиваюсь, все еще скрючившись на льду. Мне нужно собраться с силами, перевести дух. Потому что без боя я, конечно, не сдамся.

Из стены тумана появляются три тени. Одного из них я никогда не видела, но двух других знаю. Они живут при Дворе, я знаю их имена, их семьи. Я думала, что они моя семья. Но в том, как они смотрят на меня сейчас, нет ничего дружелюбного. Они смотрят на меня так, словно я таракан, которого нашли на кухне.

Они останавливаются в нескольких метрах от меня и стоят, широко расставив ноги. Ни один из них не делает движения, чтобы подойти ближе. Когда я понимаю, в чем их проблема, то едва не начинаю смеяться.

Они меня боятся.

– И что теперь? – ломким голосом спрашиваю я. – Поташите меня за волосы, чтобы снова запереть в комнате?

Исак – юноша из Зимних едва ли старше меня – глубоко вздыхает:

– Ты усложняешь себе жизнь, Блум. Если бы ты просто согласилась сотрудничать, они бы относились к тебе лучше.

Меня всегда поражало, насколько некоторые люди доверчивы. Этот парень не знает о мире ничего, кроме того, что ему рассказывают родители и мой дедушка. Он не испытывает необходимости задавать вопросы. Формировать собственное мнение из страха, что такой путь может оказаться не самым простым. До недавнего времени я тоже была такой, но я по крайней мере поняла, когда пришло время отказаться от удобного решения и встать на правильную сторону.

Мысли роятся в голове, пока я ищу выход. Он должен быть. Я прошла через все это не для того, чтобы меня поймали, как бродячую собаку. Сила еще течет через мое тело, хотя и не так сильно, как раньше. Но кое-что осталось. Победить этих троих я не смогу, но причинить им вред – вполне.

В поисках решения мой взгляд мечется по бесплодной местности и застревает на ледяной поверхности.

Фьорд.

Подчеркнуто небрежно кладу ладони на лед и сосредотачиваюсь на энергии, запертой внутри. Эта вода мощная, неукротимая. Фьорд существовал задолго до моего рождения и будет существовать после моей смерти. И он мне поможет.

– Блум, – произносит тип, имени которого я не знаю. – Пойдем с нами. Мы можем сделать это жестким или мягким способом.

Фыркнув, я поднимаю на него взгляд:

– Это так банально.

– Он прав, – вмешивается Исак, делая ко мне шаг. – Сражаясь с нами, ты сделаешь только хуже.

Я чувствую, как энергия медленно проникает в мое тело – последнее усилие перед тем, как изнеможение настигнет меня. Полная решимости, сильнее прижимаю руки ко льду и ищу взглядом Исака.

– Идите вы к черту, – говорю я, затем закрываю глаза и изливаю накопившуюся внутри энергию обратно во фьорд.

Сначала ничего не происходит, затем слышен тихий треск. Мужчины отступают с растерянными лицами, а в следующий момент сквозь туман доносится оглушительный грохот. Лед под моими пальцами сдвигается, и я поспешно отступаю назад, как раз вовремя, потому что

лед между мной и парнями прорезает трещина. Подобно молнии, она рассекает поверхность, постепенно увеличиваясь в размерах.

Медленно встаю. Руки ледяные, я их даже не чувствую. Я на пределе, но я справилась. С каждой секундой трещина расширяется и превращается в пропасть, отделяющую меня от преследователей.

Исак отступает еще на шаг и смотрит на меня широко распахнутыми глазами:

– Что ты сделала?

Я пожимаю плечами:

– Выиграла.

Затем я разворачиваюсь и бегу в густой туман, пока лед, словно разъяренный монстр, все еще трещит за моей спиной.

Слезы наворачиваются на глаза, когда я поднимаюсь по маленькой лесенке, ведущей на частную пристань. Ноги и руки трясутся от усталости, перед глазами все расплывается, горло дерет так сильно, что больно дышать. Совсем не чувствую рук и ног, не удивлюсь, если пальцы на ногах отвалятся, как только я сниму обувь.

Я сделала это. До сих пор не могу поверить. Когда за туманом показались очертания города, мне захотелось упасть навзничь и выть от радости. Но я еще не в безопасности, рано или поздно они найдут меня и здесь, в Осло. Однако здесь у меня по крайней мере больше возможностей спрятаться и набраться сил, чем на замерзшем фьорде без всякой защиты.

Несмотря на усталость, заставляю себя идти дальше. Перебегаю через причал и возношу молитву богам, когда ворота на другом конце открываются без сопротивления. Перелезть через них или взламывать замок сейчас я точно не в состоянии. Дрожа, обхватываю себя руками, когда выхожу на улицу и оглядываюсь по сторонам. Я недалеко от своей школы, рядом с набережной в центре.

Отсюда недалеко и до Эммы. Во время побега я думала о том, безопасно ли будет пойти к ней, но потом отбросила эту мысль. Если честно, Эмма – единственный человек в городе, которому я доверяю достаточно, чтобы просить у нее защиты. Однако моя семья знает Эмму. Вскоре они сложат два и два и проверят ее. Не хочу подвергать подругу или себя опасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.